

ДЖОРДЖЕТТ ХЕЙЕР

КОМУ
ПОМЕШАЛ
УОРРЕНБИ?

Часть сборника: Убийства на Чарлз-стрит. Кому помешал Уорренби? (сборник)

Инспектор Хемингуэй

Джорджетт Хейер

Кому помешал Уорренби?

«АСТ»

1953

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)6-44

Хейер Д.

Кому помешал Уорренби? / Д. Хейер — «АСТ»,
1953 — (Инспектор Хемингуэй)

ISBN 978-9-94-938885-1

Убийство провинциального юриста Сэмпсона Уорренби никого не опечалило, скорее прямо наоборот. Но преступление есть преступление, и убийца должен понести заслуженную кару. Однако на сей раз у инспектора Хемингуэя особенно много подозреваемых: ведь Уорренби успел насолить абсолютно всем, кто хорошо его знал, от собственной племянницы и ее возлюбленного до местного сквайра, от соседа писателя до отставного майора, разводящего пекинесов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-9-94-938885-1

© Хейер Д., 1953
© АСТ, 1953

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джорджет Хейер

Кому помешал Сэмпсон Уорренби?

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение.

Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищалась Агата Кристи и они считаются классическими образцами английского детектива.

Серия «Золотой век английского детектива»

Georgette Heyer

DUPLICATE DEATH DETECTION UNLIMITED

Перевод с английского *А. Ю. Кабалкина*

Печатается с разрешения Heron Enterprises Ltd и литературного агентства The Buckman Agency.

© Georgette Heyer, 1951, 1953

© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Мистер Тэддиас Драйбек, сошедший с аккуратной гравийной дорожки, проложенной от его дома к дороге, обнаружил, что дальнейшее движение затруднено и даже невозможно ввиду внезапной атаки свирепой своры пекинесов, принявшихся с астматическим хрипением прыгать у его ног. Преодолев побуждение смахнуть их на обочину теннисной ракеткой, он загоролдил ею свои ноги, поскольку одна из шавок миссис Миджхолм слыла кусачей.

– Кыш! – раздраженно зашипел Драйбек. – Пошли прочь!

Пекинесы, доведенные до иступления такой пренебрежительностью, усилили натиск, одна собачонка даже покусилась на ракетку Драйбека.

– Пеки, Пеки! – раздался воркующий любящий голосок. – Фу, негодницы! Живо назад, к мамочке! Они просто шалят, мистер Драйбек.

Три пекинеса, сочтя ситуацию исчерпанной, утратили интерес к Драйбеку, однако четвертый, решительно преградив ему дорогу, тявкал и рычал на него до тех пор, пока не очутился на руках у хозяйки, ограничившейся шутливым шлепком и заявившей:

– Разве не прелесть? Это старшенькая, мое сокровище! Ну-ка, попроси прощения у бедного мистера Драйбека.

Опасаясь, что снова станет объектом травли, Драйбек отшатнулся.

– Вы ее обидели! – заявила миссис Миджхолм, целуя собачку в голову. – Видишь, Урсула, он отказывается пожать тебе лапку. Не обращай внимания.

В вытаращенных глазенках Урсулы читалось скорее омерзение, чем обида, однако Драйбек оставил это наблюдение при себе и объяснил:

– Боюсь, я не любитель собак.

– Уверена, вы их любите! – возразила миссис Миджхолм, не желавшая судить о ближнем дурно. Глаза навывкате, слегка похожие на глаза ее любимиц, оглядели соседа с одобрением.

– Полагаю, вы собрались к Хасуэллам, – проницательно промолвила она. – Вы, наверное, заядлый теннисист?

Драйбек отверг это предположение, хотя был с ним согласен. В молодости он посвящал теннисным состязаниям все летние каникулы и нередко побеждал, о чем свидетельствовала выставка кубков на каминной полке у него в столовой. Стилль игры был старомоден, как и он сам, но молодежь, считавшая его музейным экспонатом, на корте порой обламывала об него зубы. Драйбек был адвокатом, последним выжившим членом фирмы, давно обосновавшейся в соседнем Беллингэме. Старый холостяк, он служил воплощением собранности и отвергал современный прогресс почти во всех его проявлениях, чем и объяснялось неуклонное сокращение его клиентуры. Старейшины местности, где Драйбек прожил всю жизнь, еще хранили ему верность, более же молодые предпочитали методы его ненавистного соперника Сэмпсона Уорренби, выскочки, проработавшего в округе жалких полтора десятка лет. Быстро развившееся дело Сэмпсона Уорренби, начинавшееся как пустячная заноза в пятке у Драйбека, стремительно приобрело угрожающие масштабы, а с того злосчастного дня вскоре после окончания войны, когда дурной вкус повлиял на его решение переселиться из Беллингэма в доселе изысканный Торнден, разгневанный Драйбек окончательно лишился возможности игнорировать его существование. Приобретенный Уорренби дом располагался в проулке, выходившем на главную беллингэмскую дорогу чуть ли не напротив маленького наследственного гнездышка Драйбека.

– Увы, мои теннисные деньки уже позади, – посетовала миссис Миджхолм. – Зато вы встретите там моего Лайона.

Это предупреждение не вызвало у Драйбека тревоги. Майор Миджхолм, нареченный Лайоном родителями-оптимистами, мечтавшими вырастить льва, был скромн, застенчив и терялся в тени добросердечной, но полностью подавлявшей его супруги.

– Дойду-ка я с вами до угла, – продолжила миссис Миджхолм, беря Урсулу под мышку. – Или вы пойдете по проулку?

Проулком пользовалась мисс Паттердейл, снимавшая угловой домик, и Уорренби, проживавший напротив общинного выгона. Дальше, за приступкой, тянулась вдоль большого сада Хасуэллов и восточной стороны владений сквайра тропинка, выходившая на северную, вспомогательную дорогу на Беллингэм. В дальнем углу сада Хасуэллов имелась калитка, но несмотря на то, что пользование ею изрядно сокращало путь, Драйбек считал неуместным ходить через нее. Он вежливо зашагал рядом с миссис Миджхолм и проводил ее до главной деревенской улицы. Поскольку пекинесов приходилось постоянно увещевать, разговор получился отрывочным. Драйбек, морщась при каждом крике своей спутницы, обращенном к Умбрелле, Умберто и Уппиш, не переставал напоминать себе, что Флора Миджхолм – женщина добросердечная и решительная, не жалующаяся на тяготы сократившегося дохода, отказавшаяся от служанки, разводящая собак для заработка и всегда демонстрирующая окружающим довольство своей участью. Смущали его разве что абсурдные клички, которыми она награждала своих питомцев.

Последнее было, впрочем, неизбежно. Уволившись с военной службы, майор Миджхолм построил бунгало в Торндене, в конце деревенской улицы, там, где обрывалось мощеное покрытие дороги и начинался проселок, ведущий через поля к маленькой ферме. Миссис Миджхолм взбрело в голову назвать дом «Ультима Фула»¹, а когда она со временем взялась за разведение пекинесов, слово «Ультима» показалось ей единственной логичной приставкой к их кличкам. Ультима Улисс и Ультима Уна, прародители многочисленного и прибыльного рода, были наречены в припадке вдохновения, за ними последовали Урсула, Урбан и Урания. Установилось правило чередования, тем более что выбор подходящих кличек угрожающе быстро иссякал. Его окончательно исчерпали Умберто, Урия и Укица, и щенки последующих поколений получали клички уже просто из словаря. «Подумаешь! – восклицала неунывающая миссис Миджхолм. – Зато какие они чудесные! Унреди выиграл на собачьей выставке “Крафтс” в Бирмингеме два главных и два вторых приза!»

В перерывах между обращенными к Умберто, Умбрелле и Уппиш призывами покинуть чужие владения миссис Миджхолм сообщила своему спутнику, что ее тоже приглашали в «Кедры» любоваться теннисом и пить чай, но ей пришлось отказаться.

– Скажу вам начистоту, мистер Драйбек, я сомневаюсь, что смогла бы сдержаться!

– Неужели? – изумился Драйбек.

– Представьте! – Миссис Миджхолм сверкнула глазами. – Вдруг мне пришлось бы говорить с мистером Уорренби? Если он там, что вполне вероятно, то ничто не заставит меня смолчать. Лучше мне туда не ходить.

– Жаль! Я не знал, что между вами и Уорренби пробежала кошка.

– Это случилось вчера. Хотя я всегда недолюбливала его. Между нами говоря, после того как в войну Уорренби повел себя с Лайоном, когда тот возглавил местное ополчение, он перестал для меня существовать. Но я не подозревала, что он может быть жестоким с беззащитными животными!

– Надо же! – покачал головой Драйбек. – С какой-то из ваших собак?

¹ Местность к северу от Британии, которую античные географы считали крайним пределом обитаемого мира. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– С Улиссом! Представляете? Я заглянула к несчастной племяннице Уорренби, чтобы обсудить вечер консервативного виста, и захватила с собой этого старого песика. А он, негодай, пнул его ногой!

– Боже правый! – ахнул Драйбек. – Пнул?

– Я глазам своим не поверила! Да еще посмел оправдываться! Я спросила, почему мой ангелочек взвизгнул и прибежал в дом, хромая, а ему хватило наглости ответить, что он пинком согнал его с клумбы. Я буквально взорвалась!

Драйбеку было нетрудно поверить в это. Даже сейчас грудь миссис Миджхолм так вздымалась от волнительных воспоминаний, что грозила лопнуть, а лицо, и без того румяное, побагровело.

– Я бы много чего ему наговорила, но пощадила бедняжку Мэвис. Она не виновата, хотя, скажу вам начистоту, Мэвис дурочка, что не проявила твердости. Что ж, если ей нравится быть безвольной тряпкой, меня это не касается. Иное дело, когда страдают мои обожаемые крошки! Он ни словечка от меня не услышит, пока не извинится! Если бы я пришла в «Кедры» и столкнулась там с ним, то выложила бы все, что о нем думаю. Миссис Хасуэлл было бы неудобно. Вот я туда и не иду. – В приступе любви она еще крепче зажала Урсулу под мышкой и добавила: – И вообще, Мэвис надо было наказать его и сбежать с тем поляком. Вряд ли она так поступит, я надеюсь, она не натворит глупостей, потому что какой с иностранца прок?

– Поляк? – рассеянно произнес Драйбек.

– Разве вы с ним не знакомы? Он работает в «Бесбайд» и живет на дальнем краю улицы с коттеджами, за вами. Во всяком случае, ночует там, у старой миссис Докри.

– Я не встречал этого молодого человека, – проговорил Драйбек тоном, в котором не звучало пылкого желания устранить это упущение.

– И немудрено, он здесь недавно. Вообще-то поляк вполне приличный, у его отца вроде бы были в Польше земли, но кто их, иностранцев, разберет? Я видела поляка у Линдейлов, но его, конечно, не все приглашают. Не знаю, как с ним познакомилась Мэвис, но совершенно не удивлена, что он ей приглянулся. Он очень привлекателен: ладный, и манеры превосходные. Бедной Мэвис просто некуда было деваться!

– Это, случайно, не молодой брюнет, гоняющий на ужасно шумном мотоцикле? – неприязненно осведомился Драйбек.

– Он самый, Ладислас Зама и как-то там дальше... Никак не выговорю! А вот и Лайон! Смотрите, кто идет, Пики! Бегите к папочке!

За разговором они добрались до перекрестка. Слева виднелась невыразительная фигура майора Миджхолма, пытавшегося уберечь свои белые брюки от наскоков лающих собачонок. Вправо тянулась деревенская улица с церковью и домом викария. Вбок от улицы уходила дорожка к усадьбе «Кедры», а дальше на ней располагались лавочки и живописные коттеджи, а также дом эпохи королевы Анны – собственность Гэвина Пленмеллера, тонувшая в окруженном стеной саду. Улицу обозначали живые изгороди по обеим сторонам, и, миновав открытое пространство, она упиралась во все еще величественные, хоть и изрядно обветшавшие, ворота «Олд-плейс», жилища сквайра.

Торнден не мог похвастаться деревенской лужайкой, здесь не обитали семейства с многовековой историей, зато можно было найти дома, построенные в изящные времена. Любопытный агент по недвижимости назвал бы их «резиденциями джентльменов», – выдавшие виды, но по-прежнему привлекательные наполовину бревенчатые постройки – и перпендикулярную церковь времен короля Якова с крестной перегородкой, фотографии которой красовались как минимум в трех альбомах по церковной архитектуре. Дом священника, построенный при королеве Виктории, определенно предназначался для большого семейства. Помимо «Олд-плейс», не лишённого очарования сооружения шестнадцатого века, пусть и расширенного последующими поколениями, глаз ласкала розово-красная жемчужина Гэвина Пленмеллера на Хай-

стрит, основательный георгианский особняк Генри Хасуэлла в конце Вуд-лейн и старый, но все еще внушительный дом Сэмпсона Уорренби на Фокс-лейн. Недурно было и незамысловатое, вполне приличное жилище Драйбека на дороге из Триндейла в Беллингэм. Деревня, включая Олд-плейс с его обширным участком, занимала больше половины треугольника, образованного дорогами между Беллингэмом и Триндейлом на юге и Хоксхэдом на севере. Меньшая часть треугольника была отведена под общественный выгон, по которому, правда, тянулась северная дорога. Сюда выходили фасадами патриархальный и чрезвычайно неудобный дом мисс Паттердейл и Фокс-Хаус Уорренби. Общественная земля была каменистой, с рытвинами и кустами утесника. Местная детвора играла здесь в футбол и в крикет, а мисс Паттердейл пасла двух своих коз.

Майор Миджхолм, отогнав пекинесов, присоединился на углу улицы к супруге и к Драйбеку. Он был невысок, худощав, седоват, с щеточкой усов. Поскольку он вышел в отставку в чине всего лишь майора, то считалось, что его военная карьера не задалась, однако на втором году войны, когда создали местное ополчение, Миджхолм удивил соседей неожиданными талантами. Ему, единственному в округе военному, не подлежавшему по возрасту мобилизации, поручили набирать и обучать первых рекрутов. На этом поприще майор Миджхолм добился выдающихся успехов и даже склонил двух известнейших местных браконьеров не только встать под знамена, но и являться порой на занятия по строевой подготовке. Это была, без сомнения, его стихия, и война пришлась ему по душе. С наступлением мира майор Миджхолм опять отступил на роль второй скрипки при жене, которая, как ни странно, никогда не переставала потчевать знакомых баснями о его военных подвигах, мудрости в гражданских делах и способности блестяще выходить из любой сложной ситуации.

Сейчас она встретила мужа весело и радостно:

– Какая приятная встреча, Лайон! Идешь в «Кедры»? Передай от меня привет миссис Хасуэлл. Какие новости?

Майор, поприветствовав Драйбека небрежным кивком и такой же улыбкой, ответил:

– Никаких.

– Слава богу! – воскликнула миссис Миджхолм, восполняя своим воодушевлением все, чего недоставало в голосе мужа. – Я сомневалась, уходить ли из дому, потому что она вела себя немного беспокойно. – Заговорщически улыбаясь Драйбеку, она посвятила его в тайну, игриво добавив: – Прибавление семейства! Первый помет моей бесценной Уллапулы!

Драйбек не придумал лучшего ответа, чем: «Неужели?» Совесть майора, старавшийся находить оправдание всем изрекаемым женой глупостям, виновато промолвил:

– Эти маленькие проказники такие нежные!

– Нет, Лайон, не нежные! – возразила миссис Миджхолм. – Просто с первым пометом надо быть настороже. Уллапула станет искать мамочку, чтобы я подержала ее за лапку. Все, я убегаю! Желаю вам обоим хорошей игры. Идемте, Пики! Догоняйте мамочку!

Махнув рукой, она засеменила прочь. Двое мужчин зашагали в противоположную сторону, к Вуд-лейн.

– Пекинесы невероятные умницы, – доверительно поведал майор. – А как они любят охоту! По их виду этого не скажешь, но они не пропускают ни одной кроличьей норы.

Драйбек, кое-как изобразив на лице фальшивый интерес, выдал: «Вот как?» – и приступил к тщетным попыткам найти хоть какое-то дополнение к своему кислому ответу. К счастью, они уже достигли первой лавки, где торговали бакалей, галантереей и канцелярскими принадлежностями. Здесь же размещалось почтовое отделение, откуда, к облегчению обоих собеседников, появилась мисс Мириам Паттердейл, наклеивая марку на открытку. Кивнув мужчинам и опустив открытку в почтовый ящик, она сказала:

– Это в прачечную. Послушаем, какую отговорку они придумают на сей раз? Вы, наверное, к Хасуэллам? Там Абби. Говорят, она неплохо играет.

– Мало сказать – неплохо! – оживился Драйбек. – Такой сильный удар слева редко встречается у слабого пола.

– Чушь! – скривилась мисс Паттердейл, безжалостно отвергая услышанное. – Сколько можно задерживаться в эдвардианских временах, Тэddieас? Зла на вас не хватает!

– Боюсь, я слишком старомоден.

– Тоже мне, предмет гордости! – усмехнулась мисс Паттердейл.

Драйбек прикусил язык. Хотя он был знаком с мисс Паттердейл, загрубелой старой девой, уже много лет, она не перестала внушать ему страх. Угловатая остроликая особа одевалась строго, коротко стригла седые волосы и не появлялась без монокля в глазу. Последнее, впрочем, вводило в заблуждение: она и с этим приспособлением оставалась подслеповата. Старшая дочь приходского священника, мисс Паттердейл после смерти отца десять лет назад переселилась из его дома в съемный коттедж на углу Фокс-лейн, но и из этого убогого жилища продолжала тиранить паству действующего викария, за что тот был ей исключительно признателен. Жена преподобного Энтони Клиберна была скромной и застенчивой, и он не мог нахвалиться на добровольную помощницу, взвалившую на себя столько хлопот, тем более что между двумя женщинами царил полное взаимопонимание. Миссис Клиберн часто повторяла, что без Мириам они с мужем были бы как без рук, а сама мисс Паттердейл, отвечая на похвалы, великодушно возвещала, что Эдит, невзирая на свое безволие и отсутствие здравомыслия, желает творить только добро и очень старается.

– Вы доставите нам удовольствие, наведавшись в «Кедры», мисс Паттердейл? – нарушил неловкое молчание майор.

– И не подумаю, милейший! Я не играю в теннис – и никогда не играла, а главное, терпеть не могу наблюдать за играми. И потом, должен же кто-то доить коз!

– Странно, – ухватился за предложенную тему майор, – но мне не нравится козье молоко, ничего не могу с собой поделать. Жене приходилось иногда пить его в военные годы, а я так к нему и не пристрастился.

– Изрядная гадость! – честно заявила мисс Паттердейл. – Местные считают, что оно полезно детям, вот я и держу эту скотину. Какой только ерунды не болтают о детях в наше время! На самом деле все просто: чем их ни пичкать, они все равно растут как на дрожжах!

После этого глубокомысленного умозаключения она одарила мужчин еще одним кивком, поставила монокль глубже в глазницу и удалилась.

– Что за женщина! – сказал майор ей вслед.

– Действительно, – согласился Драйбек без воодушевления.

– Племянница у нее – красotka. Ничего общего с теткой, верно?

– Вся в свою мать, Фанни Паттердейл, всегда считавшуюся миловиднее сестры, – объяснил Драйбек. – Полагаю, вы не были с ней знакомы?

– Нет, это было еще до меня, – признал майор, поняв, что второй по рангу из старейшин деревни поставил его на место. – Я ведь, можно сказать, новичок.

– Не преувеличивайте, Миджхольм, – великодушноначал Драйбек, оценив его смирение. – Вы новичок только по сравнению со сквайром, со мной и с Пленмеллером. В последние годы здесь столько всего поменялось!

– Причем не всегда к лучшему, – подхватил майор. – Времена меняются, да?

Драйбек чуть поморщился и произнес:

– О tempora; o mores!² А лучше – tempora mutantur³.

Майор, лишенный возможности высказать свое мнение по данному поводу, промолчал.

² О, времена; о, нравы! (лат.)

³ Времена меняются (лат.).

– Велико побуждение закончить поговорку, да только я сам будто не меняюсь. Иногда жалеешь, что наше маленькое сообщество претерпело столь грустную перемену. Постоянно вспоминаю былые деньки, когда поместье «Кедры» принадлежало семье Браверли. Я вовсе не настроен ругать Хасуэллов, они – весьма достойные люди, но до Браверли им далеко.

– Полностью согласен, – поддержал его майор. – Начать хотя бы с того, что Браверли никогда никого не принимали. По мне, Хасуэллы – ценное приобретение для Торндена. Приятно видеть, что старинный дом опять приведен в порядок. А вот если говорить о нынешнем владельце Фокс-Хауса – тут я ваш сторонник. От замены им Чернсайков мы определенно проиграли. Я всегда это твержу – и не я один.

Драйбеку его слова пришлось по душе, однако он, стараясь не выказать удовольствия, промолвил безразличным тоном:

– Бедняга Уорренби – как рыба, вынутая из воды.

– Вот и я не пойму, чего ради он уехал из Лондона! – подхватил майор. – Наверное, на Мелкinton-роуд он чувствовал себя как дома, не то что в Фокс-Хаусе. До элегантности ему далеко. Не *pukka sahib*⁴, как говаривали в былые времена.

С этим Драйбек не мог не согласиться, хотя вид у него был такой, словно он сожалеет о недостатках соседа. Дальше оба джентльмена шествовали в молчании. Когда они дошли до угла Вуд-лейн, из калитки в стене вышел Гэвин Пленмеллер и захромал в их сторону. Это был худощавый брюнет около тридцати лет, с оживленным выражением лица. Он подволакивал одну ногу вследствие перенесенного в детстве коксита.

Хромота не позволила ему повоевать, она же, по мнению редких доброжелателей, явилась причиной его склонности к сарказму. Торнден-Хаус, а также то, что осталось после уплаты гигантских налогов от кое-какого состояния, он унаследовал год назад у своего сводного брата Уолтера и не слыл здесь новичком. Раньше, обитая в Лондоне, сочинял ради денег детективы, поскольку семейного состояния ему не хватало, но часто навещался в Торнден, где пользовался гостеприимством брата, пока сочетание его насмешливости и раздражительности Уолтера не приводило к очередной ссоре – если можно назвать так ситуацию, когда один возмущается, а другой знай посмеивается да пожимает худыми плечами. Уолтер воевал и вернулся с войны почти полным физическим и моральным инвалидом. С тех пор он страдал нервными припадками, а сил у него осталось так мало, что их не хватало даже на то, чтобы предаваться прежним страстям – энтомологии и наблюдению за птицами. После каждой стычки с Гэвином Уолтер клялся, что больше не пустит этого молодого бездельника в дом, но стоило Гэвину, абсолютно невосприимчивому к оскорблениям, снова появиться у него на пороге, неизменно впускал его и даже наслаждался обществом брата. Плохое здоровье лишало Уолтера светской жизни, поэтому после смерти, когда его сменил Гэвин, даже самые сострадательные, вроде Мэвис Уорренби, не пожалели о перемене. Гэвин, впрочем, тоже не приобрел популярности ввиду нежелания скрывать от соседей свое убеждение, что он умнее их. Однако он не вызывал такой неприязни, как брат.

Двое пожилых джентльменов дождались, пока Пленмеллер подойдет, после чего майор спросил:

– Вы тоже в «Кедры»?

– Да. По-вашему, странно? Я собираюсь поиграть в крокет. Миссис Хасуэлл непременно предложит мне это, она так добра!

– Игра требует немалого умения, – заметил Драйбек. – В последние годы она вышла из моды, а вот во времена моей молодости была очень популярна. Хотя, помнится, дедушка рассказывал, что, когда она только появилась, ее считали слишком бойкой и легко переключающейся на флирт. Забавно!

⁴ Истинный джентльмен (*индийск.*).

– Я не могу флиртовать с миссис Хасуэлл, годящейся мне в матери. С Мэвис – тоже: она сверкает глазами, зная, что даже самые ужасные речи я веду не всерьез. Кроме того, ее дядя усмотрел бы в этом поощрение ему самому. Не хватало, чтобы он повадился в мой дом! Я поклялся, что порога ему не переступить. Брат говорил то же самое мне, но он шутил. Наше с ним сходство было поверхностным.

– Ваш порог будет не единственным! – оживился майор. – Верно, Драйбек?

– Ошибаетесь, майор. Уорренби способен проникнуть в дом мистера Драйбека хитростью. Он разыграет припадок у его дверей или попросится к нему, чтобы прийти в себя после внезапного приступа головокружения, и вежливость помешает мистеру Драйбеку отказать ему. Вы, рожденные в прошлом веке, больше всего страдаете от своей воспитанности.

– Полагаю, – промолвил Драйбек ледяным тоном, – я не откажу в крове любому, кому понадобится помощь указанного вами характера.

– Когда это произойдет, вас не окажется дома, потому что страх показаться нам бездушным пересиливает у вас нежелание оказать малейшее содействие Уорренби?

– Перестаньте, Пленмеллер, это почти оскорбление! – воскликнул майор, испугавшись, что Драйбек обидится.

– Правда глаза колет? Не намекаете же вы, что вместе с мистером Драйбеком слишком долго жили в девятнадцатом веке и воображаете, что правда – это нечто неприличное и ее надо замалчивать? Вот что, на мой взгляд, оскорбительно!

Смущенный майор не нашелся с ответом. Драйбек усмехнулся и произнес:

– Вы уж меня простите, Пленмеллер, но правда в данном случае заключается в том, что присутствие среди нас Уорренби – пусть оно и не придает Торндену привлекательности – занимает меня меньше, чем вас. Жаль, что приходится отвлекаться на вырисованную вами трагическую картину, но честность вынуждает меня сознаться в полном безразличии к данной ситуации.

Майор опасливо покосился на Гэвина, подозревая, что тому хватит ума понять, что ненависть Драйбека к соседу и сопернику по профессии стремительно разрастается. Но Гэвин лишь заметил:

– Достойная уважения позиция! Я бы ее разделял, если бы она была мне по силам. Увы, для этого надо быть викторианцем.

– Все, довольно про викторианцев! – воскликнул майор. – А то в следующий раз вы причислите к ним и меня!

– Ну, нет, вы на это никогда не претендовали.

– А я, между прочим, не стыжусь принадлежности к этой категории, – заявил Драйбек.

– Еще не хватало! Сквайр тоже не стыдится. Как вы думаете, каким образом Уорренби проник в Олд-плейс? Эйнстейблы оказывают ему гостеприимство. Это удивительно: меня они, уверен, не принимали бы, не будь я Пленмеллером. Думаете, Сэмпсон Уорренби прибег к каким-то дьявольским уловкам, чтобы принудить сквайра включить его в список приглашенных, или из Олд-плейс, с этих олимпийских высот, все мы кажемся равными? Невыносимое допущение!

Они уже достигли ворот «Кедров», и майор облегченно перевел дух.

Глава 2

Генри Хасуэлл, купивший поместье «Кедры» у сэра Джеймса Браверли, был одним из самых состоятельных жителей графства. Его дед основал в Беллингэме небольшое дело по торговле недвижимостью, преуспел и смог отправить своего наследника в скромную частную школу. Сам он такого образования не получил и относился к нему с благоговением, которое вскоре оправдалось: при его сыне дело быстро пошло в гору. Уильям Хасуэлл сделал фирму крупной и уважаемой, а сам превратился в городе в весомую фигуру. Он проник в общество, которое его отец считал для себя недостижимым, заключил выгодный брак и собственного сына отправил уже в Уинчестер, а затем в оксфордский Нью-колледж. Те, кто косо смотрел на Уильяма, полностью приняли Генри. Он водил знакомство с нужными людьми, хорошо одевался, придерживался правильных воззрений. Будучи простым человеком, не изображал презрения к делу, позволившему ему всего этого добиться. Вкладывал немало сил в его дальнейшее развитие, но находил время и на благотворительность, заседал в местном больничном совете и раз в неделю выезжал на охоту. Своего единственного сына отправил в Уинчестер и в Оксфорд не потому, что мечтал сделать его светским человеком, а просто считал это естественным. Он не воспротивился бы желанию Чарлза бросить торговлю недвижимостью ради какого-то более возвышенного занятия, но был бы тайне разочарован, если бы сын не пожелал продолжить семейную эстафету. Впрочем, Чарлз, родившийся во времена усыхающих капиталов и исчезающих социальных различий, подобных желаний не высказывал: он знал, что ему повезло подхватить крепкий бизнес, и гордился той высотой, на какую вознесся по праву рождения. Недавно его сделали полноправным партнером в фирме, а его мать уже говорила подругам, хотя и не очень убежденно, что ему пора подумать о женитьбе.

Генри Хасуэлл приобрел «Кедры», пребывавшие в плачевном состоянии, у последнего оставшегося на свете представителя очень старого знатного семейства графства. Такие люди, как Тэддиас Драйбек, с иронией и неудовольствием относились к тому, что он привел поместье в порядок и покончил со всеми ужасными анахронизмами (в том числе с оранжереей, а ее приходилось миновать, покидая гостиную, и с шоколадными обоями в проходе и на лестнице), которыми уродовали дом Браверли. Теперь дом отличался сдержанным достоинством, обстановкой и садом, ставшим благодаря неустанным усилиям миссис Хасуэлл одним из чудеснейших во всем графстве.

Миновав ворота и направившись к дому, мужчины встретили миссис Хасуэлл, шагающую к теннисным кортам с ярко-розовым маком в руке.

– Как чудесно! – воскликнула она. – Теперь я смогу составить вторую четверку. Как поживаете, майор? А вы, Гэвин? Я как раз думала о вас, мистер Драйбек: вы правы, что не держите кошек! Не пойму, почему собак можно приучить сторониться цветочных клумб, а кошек – никогда? Вы только взгляните! Похоже, паршивка прямо разлеглась на бедном растении, вот жалость! Не возражаете пройти через дом? Я бы поставила бедный мак в воду.

Так, болтая в своей милой манере, она привела их в прохладный квадратный холл. Миссис Хасуэлл была полной седовласой дамой, одетой бесцветно, с пренебрежением к стилю. Глядя на нее саму, нельзя было даже заподозрить наличие вкуса, хотя она всю проявляла его в доме и в саду. Сунув вроде бы небрежно сломанный мак в вазу, где уже были цветы, она не нарушила симметрию. Затем повела гостей в залитую солнцем гостиную, откуда можно было выйти через стеклянную дверь в розарий.

– Конечно, эту дверь можно было бы заложить, – сказала миссис Хасуэлл, – но мне нравится выходить отсюда в сад, а с фасада она не видна. У Браверли здесь находилась, если помните, оранжерея.

– Одно из самых трепетных воспоминаний моего детства, – произнес Гэвин. – Я ностальгирую по ее теплу, по запахам, по колючей растительности. Все это я любил!

– Кактусы, – подсказала миссис Хасуэлл. – Дети всегда любят все самое ужасное. Помню, в какое отчаяние приводила меня трехлетняя Элизабет, обожавшая клумбу с лиловой геранью и синими лобелиями. Потом она, конечно, переросла свое пристрастие. Сейчас они с мужем переехали в дом в Челси. Надеюсь, там не сыро. Какие чудеса она творила с цветами на окнах! Чарлз и Абигейл Дирхэм играют против Линдейлов. Только что пришли викарий и Мэвис Уорренби, и теперь можно будет составить еще две соперничающие пары.

– Прекрасно! – обрадовался майор.

Драйбек промолчал. Он предвидел свою судьбу: его партнершей назначат Мэвис, потому что он играл лучше викария и майора. Эта перспектива вызывала у него уныние.

– Ваш муж не играет, миссис Хасуэлл? – спросил майор.

– К сожалению, нет. Генри пришлось отлучиться в Вудхолл.

К унынию Драйбека добавилась обида. Генри Хасуэлл был единственным в Торндене теннисистом, которого он считал равным себе, и Драйбек предвкушал партию с ним – как выяснилось, напрасно.

Они приблизились к двум кортам с твердым покрытием, устроенным по настоянию миссис Хасуэлл так, чтобы не портить своим видом сад, – на удалении от дома, под стеной, за которой бежала тропинка от северной, ведущей в Хоуксхэд, дороги мимо угодий сквайра на юг, к приступке, отделявшей ее от Фокс-лейн. В том месте тропинка, обогнув рощицу, относившуюся к «Кедрам», резко поворачивала на север, чтобы к югу от ворот усадьбы сомкнуться с Вуд-лейн. На тропинку вела дверца в стене поблизости от кортов. Через нее пришли на корты Линдейлы, жившие на дороге, связывавшей Хоуксхэд с Беллингэмом. Той же самой калиткой воспользовались мисс Уорренби и мисс Дерхэм, не такие щепетильные, как Драйбек, предпочитавший парадный вход.

Когда миссис Хасуэлл привела на корты троих новых гостей, игра происходила только на одном. Хозяйский сын и племянница мисс Паттердейл весело и упорно состязались с молодой четой Линдейлов. Тем временем викарий, высокий костлявый мужчина с мягким выражением лица, высоким лбом и волосами с проседью, вел на скамейке за кортами ленивую беседу с Мэвис Уорренби.

– Представлять никого не нужно, – произнесла миссис Хасуэлл, улыбаясь всем гостям. – Спрашивать, как кто играет, тоже ни к чему, потому что никто не скажет правды. Думаю, Мэвис и мистер Драйбек будут одной парой, викарий и майор Миджхолм – другой.

– Я слишком плохо играю, чтобы быть парой мистеру Драйбеку, – возразила Мэвис. – Я буду ужасно волноваться. Пусть лучше составит мужская четверка.

– Полагаю, вы прочтете в четвертого не меня? – спросил Гэвин, смутив ее и взглядом знатока наблюдая результат.

– Мужчины смогут сразиться позднее, – промолвила миссис Хасуэлл. – Уверена, вы покажете класс, милочка. Жаль, что не пришел ваш дядя.

– Он просил его извинить, – сказала Мэвис, все еще краснея от смущения. – У него документы, которыми он должен заняться. Вообще-то мне тут не место.

– Что вы, милочка! Мы все очень вам рады.

Выражение лица мисс Уорренби сменилось на признательное.

– Я не люблю оставлять дядю одного за чаем. По субботам Глэдис работает полдня, и он остался в одиночестве. Но дядя не разрешает мне оставаться и приглядывать за ним. Я собрала поднос, оставила на плите чайник и убежала развлекаться. Меня мучает чувство вины, потому что дяде не нравится заниматься подобным самостоятельно. Правда, он сказал, что не возражает в кои-то веки сам похозяйничать, и вот я здесь. Он так добр!

Ее светло-серые глаза с надеждой обвели собравшихся, но пример заботы Сэмпсона Уорренби о племяннице не вызвал комментариев ни у кого, кроме миссис Хасуэлл:

– Вашему дяде не повредит попить чаю в одиночестве. На вашем месте я бы за него не тревожилась.

Затем она вручила Драйбеку ящик с теннисными мячами, пригласила всех четверых игроков на корт, распахнув проволочные ворота, и уселась на садовую скамейку, предложив Гэвину устроиться с ней рядом.

– Жаль, миссис Клиберн задерживается, – вздохнула миссис Хасуэлл. – Будь она здесь, можно было бы составить смешанные пары, тогда получилось бы состязание на равных. Что ж, ничего не поделаешь. Я рада, что не пришел Сэмпсон Уорренби.

– Вы говорили, что огорчены.

– Только ради приличия. Пришлось его позвать, чтобы не обидеть. В тесном сообществе нельзя ни о ком забывать, иначе получится неудобно, так я сказала Генри.

– Вот, значит, зачем он пошел в Вудхолл? – спросил Гэвин, заинтересовавшись.

– Если бы я проигнорировала мистера Уорренби, – продолжила миссис Хасуэлл, пропустив мимо ушей его вопрос, – то пришлось бы поступить так же с Мэвис, а этого мне не хотелось.

– Лучше бы вы его проигнорировали!

– У нее безрадостная жизнь. – Миссис Хасуэлл упорно не замечала реплик собеседника. – Причем она никогда не скажет о нем дурного слова.

– Ни о нем, ни о ком-либо вообще. Я – другого поля ягода.

– Любопытно, почему задерживаются Эйнстейблы?

– Наверное, боятся, что Уорренби уже тут как тут.

– Я же говорила: в половине четвертого. Надеюсь, у Розамунды обойдется без приступа. Смотрите, молодежь уже завершила партию, а вторая пара еще только раскачивается. Мне хотелось выставить против мистера Драйбека сильных соперников! Ну как, милая? Кто выиграл?

– Дети! – доложил Кенелм Линдейл. – Нас с Делией попросту расстреляли.

– Вот лгун! – вмешалась Абигейл Дирхэм, швыряя в кресло ракетку и накидывая багровый кардиган. – Мы бы еще держались, если бы не возмутительное везение Чарльза.

– Полегче! – посоветовал хозяйский сын, подходя к столику, на котором теснились стаканы и различные напитки. – Просто блестяще продуманный удар! Что предпочитаете, Делия? Лимонад, оранжад, просто пиво, имбирное пиво, паршивый джин? Выбирайте!

Миссис Линдейл, сделав выбор, села рядом с хозяйкой дома и, кутаясь в наброшенное на плечи пальто, покосилась на наручные часы. Эта молодая светловолосая женщина была худа, профиль имела орлиный, взгляд ее глаз цвета голубого льда никогда ни на чем не задерживался. Она выглядела постоянно напряженной, казалось, что мысли убегают куда-то за горизонт. Ее муж отказался от карьеры биржевого брокера ради сомнительных перспектив фермерства, поэтому считалось, что у нее есть все основания для тревоги. Не так давно они поселились на ферме Рашифорд к северу от Торндена, на хоуксхэдской дороге. Знатоки английского фермерства и сопряженных с ним опасностей гадали, как долго они там продержатся. Обоим нельзя было отказать в энергии, но им не доставало привычки к сельской жизни. Трудности Делии усугублялись хлопотами с годовалым ребенком, которого она с обожанием окружала заботой, казавшейся избыточной родителям старшего поколения, приученным к прозе жизни. Те, кто заметил ее интерес к времени на часах, знали, что он вызван тревогой о том, не забывает ли женщина, помогавшая ей по дому, выполнять подробные инструкции по уходу за ребенком и не надрывается ли ненаглядная Роза-Вероника плачем, оставшись в кровати без присмотра. Эти опасения были не чужды и ее супругу: перехватив взгляд жены, он утешил и заодно подразнил ее улыбкой. Он был красивым брюнетом старше супруги на несколько лет, вспыл-

чивым и, как нередко бывает с людьми такого темперамента, часто смеялся. Карие глаза смотрели тепло, складка губ придавала лицу решительности. Они с Делией слыли любящей парой. Муж старался защищать ее, а она, изображая независимость, была так им поглощена, что в его присутствии почти никого вокруг не замечала.

Миссис Хасуэлл, видевшая, что Делия смотрит на часы, похлопала ее по руке и улыбнулась:

– Не беспокойтесь за малышку, дорогая! Уверена, миссис Мертон глаз с нее не спустит.

Делия зарделась и издала неуверенный смешок:

– Простите! Я не хотела... Так, привычка.

Абигейл Дирхэм, очаровательная девушка с копной каштановых волос и широко распахнутыми серыми глазами, взглянула на нее с интересом, который проявляла к любому, кто оказывался с ней рядом.

– У вас ребенок? – спросила она.

– Да, девочка. Но я о ней не беспокоюсь, то есть я...

– Вы сами за ней смотрите? Это не очень хлопотно?

– Что вы, ничуть! Конечно, от нее не отойдешь, но мне это нравится.

– Тогда заводите следующего, – посоветовала миссис Хасуэлл.

– Мне кажется, ребенок – такое удовольствие! – заявила Абби с серьезным, задумчивым видом. – Однако не хотелось бы быть скованной по рукам и ногам.

– От этого никуда не деться. Ваш старый писака сковывает вас еще больше, вы же не возражаете! – вмешался Чарлз.

– Это разные вещи. У меня строго определенная продолжительность рабочего дня.

– Держи карман шире! – отмахнулся Чарлз. – Вечно вы задерживаетесь на час, если не больше, потому что он, видите ли, добрался до середины главы или ему вздумалось поручить вам подготовку к его новому безумному приему.

Его мать, не выдавая того обстоятельства, что ей открыли глаза, объяснила:

– Абби – секретарь Джеффри Силлофа. Правда, интересно, Делия?

– Вот так новость! – воскликнул Кенелм. – Расскажите нам про него!

– Ужасно милый! – радостно ответила Абби. – Уехал на две недели в Антиб, и я наслаждаюсь отпуском.

Миссис Хасуэлл, привычная к речам молодежи, стоически перенесла столь небрежный отзыв о выдающемся литераторе. Чарлз и Линдейлы проявили полное понимание в отличие от Гэвина Пленмеллера, с трудом сдержавшего тошноту и вкрадчиво попросившего объяснить, в каком это смысле Силлоф – милый.

– А вот и миссис Клиберн со сквайром! – объявила миссис Хасуэлл и встала, приветствуя вовремя подоспевших гостей. – Как мило, Эдит! Бернард, разве Розамунда не придет?

Сквайр, коренастый мужчина, выглядевший старше своих шестидесяти лет, ответил, пожимая руки:

– Снова жалобы на головную боль. Передает через меня извинения и обещает быть к чаю. Вряд ли на это стоит надеяться, но я на всякий случай оставил для нее машину.

– Жаль! Вы ведь знакомы с миссис Линдейл и ее мужем?

– Да, конечно. Рад вас видеть, миссис Линдейл! И вас, Линдейл. – Он перевел взгляд глубоко посаженных глаз на теннисные корты. – Уорренби нет? Тем лучше, можно обсудить историю с Речным комитетом. Где Генри, Аделаида?

– Надеюсь, он появится до вашего ухода, – сказала миссис Хасуэлл. – Хотя если речь пойдет об этой утомительной истории, то лучше уж... Впрочем, это не мое дело, обсуждайте с Генри. По мне, хлопот полно, а толку ноль.

– Очень хочется избежать неприятностей, – вступила в разговор миссис Клиберн. – Конечно, нас это тоже не касается, но, сдается мне, было бы нехорошо поручать этот новый

Речной комитет кому-либо, кроме Драйбека. Он ведь всегда занимался комитетом по дренажу. Иначе он обидится, особенно если вместо него назначат Уорренби. Впрочем, я не должна высказывать своего мнения.

– Ну-ну, невелика важность! – усмехнулся сквайр. – Послушаем, что скажет Хасуэлл.

– Отец не поддержит Уорренби, сэр, – вставил Чарлз. – Начнем с того, что он не обидит Драйбека.

– Чарлз! – одернула сына мать, предостерегающе указывая взглядом на корт.

– Во-первых, мама, оттуда не слышно. А во-вторых, он постоянно ставит Уорренби на место. Тот буквально во все здесь сует свой нос!

– В этом ваш отец не одинок, – вмешался Гэвин. – Я тоже выступлю против Уорренби. Не сомневаюсь, Уолтер поступил бы так же: он всегда всем мешал.

Сквайр бросил на него хмурый взгляд, но промолчал. Кенелм Линдейл, закулив и аккуратно воткнув спичку в землю, произнес:

– Я бы тоже постарался не обижать Драйбека, но, по правде говоря, ничего не знаю об этом Речном комитете.

– А ведь вы – владелец участка речного берега! – удивился Чарлз. – В свое время здесь бушевал комитет по дренажу речки Раши и еще один – по речке Крейл, которая...

– Да ладно вам! – с улыбкой прервал его Кенелм. – Я знаю, где протекает Крейл. Мне также известно, что два прежних комитета по дренажу слились в единый комитет по речным делам. Я интересуюсь той половиной комитета, что занимается Крейлом. У нее есть кандидат на юридического представителя?

– Человек, защищавший их интересы, ушел на пенсию, – сообщил сквайр. – Советую ознакомиться с почтой. Если хотите, я вам ее продемонстрирую. Хотя нет, я уже отправил ее вам, Гэвин. Лучше верните!

Он отвернулся и завел разговор с хозяйкой дома. Вскоре составились новые пары теннисистов: сквайр и миссис Клиберн сменили Чарлза и Абигейл, отправившихся вместе с Гэвином и миссис Хасуэлл играть в легкомысленный «безумный крокет». Чарлз утверждал, что это единственная понятная ему версия крокета.

Чай подали под вязом на восточной лужайке. Теннисисты присоединились к остальным, доиграв свои партии, и стали расхваливать достоинства миссис Хасуэлл как хозяйки, так удачно приготовившей для них кофе со льдом.

Примерно в половине шестого к компании присоединилась миссис Эйнстейбл, оставившая машину на подъездной дорожке и появившаяся на восточной лужайке из-под увитой розами арки. Миссис Хасуэлл встала и поспешила ей навстречу.

– Прошу прощения! – воскликнула гостя. – Не отказывайте мне в чае по причине опоздания, а то я заплачу! Чай не слишком горячий? Какой очаровательный сад! Нас замучила тля.

– Дорогая, у вас нездоровый вид, вам показан постельный режим! – Миссис Хасуэлл, держа ее за руку, внимательно к ней пригляделась. – Вы уверены, что здоровы?

– Да! Просто мой обычный приступ мигрени. Сейчас мне уже легче. И довольно об этом: Бернард так за меня волнуется!

Ее слова подтвердились: сквайр поспешил к ним и впился взглядом в лицо жены.

– Дорогая, тебе лучше? Я надеялся, что ты уснешь.

– Так и было, Бернард, я поспала, и это так мне помогло, что я не смогла пропустить прием у Аделаиды. Прошу тебя, дорогой, успокойся, со мной все хорошо!

Он молча покачал головой. Миссис Хасуэлл не слишком благосклонно отнеслась к его тревоге. Розамунда Эйнстейбл, пусть и была моложе его на десяток лет и не имела никаких серьезных недугов, никогда не могла похвастаться крепким здоровьем. Она отличалась хрупким сложением, любое физическое усилие лишало ее сил, а главное, мучили сильные головные

боли, заставлявшие многочисленных врачей беспомощно разводить руками. Розамунда уже отчаялась выявить их причину и с усмешкой повторяла, что изрядно потратилась на то, чтобы подняться вверх по Харли-стрит, и теперь осталась без сил и без средств, чтобы спуститься. Она, что называется, жила на нервах, не способных напрягаться. У нее за плечами остались две войны, причем в Первой мировой она тысячу раз стояла на краю могилы, зная, что в любой вручаемой ей телеграмме могло сообщаться о гибели ее мужа в бою, а Вторая мировая война лишила ее единственного сына. Друзья пророчили, что она не оправится от этого удара, но ошиблись: Розамунда посвятила себя поддержке и убажанию сквайра, чья гордость и надежда остались где-то в пустыне Северной Африки. Казалось бы, после смерти наследника они оба должны были отказаться от борьбы за выживание поместья, обедневшего из-за финансовых тягот одной войны и почти обанкротившегося из-за следующей. Однако, как повторял со значением своим знакомым юридический консультант сквайра Тэddieас Драйбек, происхождение давало о себе знать, так что сквайр продолжал планировать и изобретать, будто готовился передать поместье обожаемому сыну, а не племяннику, которого плохо знал и совсем не любил.

Миссис Хасуэлл, усадив подругу в удобное кресло и подав ей чай, который был для страждущей лучшим лекарством, вспомнила о такте и перестала намекать бедной Розамунде, что это не лучший ее день. Впрочем, напоминания были излишни: глаза бедняжки болезненно блестели, худые щеки заливал лихорадочный румянец, искусственную веселость ее фальцета было трудно вынести. Хотелось надеяться, что сквайр всего этого не заметит. О его наблюдательности оставалось лишь гадать: традиция и темперамент требовали от него умения скрывать чувства.

Когда была съедена вся клубника и выпит кофе со льдом, викарий решил проблему, смущавшую миссис Хасуэлл. Он заявил, что горячее желание продолжить героические труды по зову долга влечет его с пасторским визитом к захворавшему прихожанину. Численность теннисистов составила после этого девять душ на два корта, и, как шепотом сказал Кенелму Линдейлу Гэвин Пленмеллер, мисс Уорренби наверняка предпочтет роль наблюдателя. Он не ошибся, но, судя по выражению его лица, не предвидел, что последует сразу за этим актом самоотречения. После преодоления ее вежливого сопротивления миссис Хасуэлл заявила:

– Раз так, вам придется посидеть с Гэвином. Дорогая Розамунда, я отведу вас в дом: здесь жарковато, для вас лучше тень.

– Слышите? – тихо обратился Гэвин к Кенелму. – Настало время быстро шевелить мозгами. Никто из вас, так соболезнующих моему дефекту, не имеет понятия об ужасных мучениях, которым я подвергаюсь. Я не вынесу общества этой скорбной девицы. Как мне поступить?

– Никак! – улыбнулся Кенелм.

– Вы плохо меня знаете.

Как Кенелм ни смеялся, вскоре ему пришлось убедиться, что он недооценил изобретательность Пленмеллера и понятия не имел о безжалостности, какую способен проявить этот человек, замыслив бегство. Выяснилось, что тот, жертва собственной назойливости, теперь вынужден отлучиться за перепиской по вопросам Речного комитета. Стало понятно, почему Гэвин не пользуется популярностью среди соседей.

– Уверена, без этого можно обойтись! – вскричала Мэвис, с упреком глядя на Кенелма.

– Ничего не поделывать, надо! Видели бы вы, как недоволен мной сквайр! Он осуждает меня за то, что я забыл вернуть ему эти бумаги, а меня терзает предчувствие, что я и в следующий раз про них забуду.

– Вам не обязательно уходить ради меня, – сердито сказал Кенелм.

– Я делаю это ради самого себя, – возразил Гэвин. – Бездействие обеспечит мне бессонную ночь. Я редко довожу что-либо до конца и все же не страдаю бессонницей, но мисс Уорренби часто говорит мне о действенности данного правила.

– Да, но такой дальний путь – ради каких-то бумажек? Почему не послать за ними кого-нибудь? – изумилась Мэвис. – Я бы сама охотно сходила, только не уверена, что найду их.

Кенелм, догадывавшийся, что насмешливое упоминание Гэвином своей хромоты скрывало его ненависть к этому недостатку, не удивился, когда эта благонамеренная бестактность натолкнулась на заслуженную отповедь.

– Я далеко живу? Я считал, что это всего полмили. Или, по-вашему, это далеко для таких коротких ножек, как у меня? Разрешите мне вас успокоить. Это рядом, рукой подать. Вас ввела в заблуждение моя нескладность. – Он отвернулся и, хромая, направился к хозяйке дома.

– Иногда он бывает обидчивым! – вздохнула Мэвис.

– Он же сказал вам: никаких обид! – бросил Кенелм.

Она уставилась на него:

– Правда, он очень отважный? Люди не понимают, как тяжело ему приходится, и не делают для него скидок.

Кенелм уловил в ее словах упрек в бесчувственности и с облегчением поторопился на зов миссис Хасуэлл.

Глава 3

Когда Гэвин снова подходил к воротам «Кедров», стрелка часов уже миновала половину седьмого и компания начала расходиться. Первой удалилась миссис Эйнстейбл, укатив в одиночестве в своем выдавшем виды «Остине». Рассеянно выполняя поворот, чуть не сбила Гэвина.

– Простите! – крикнула она, затормозив. – Я вас не напугала?

– Еще как! Я уже прощался с жизнью, – отозвался он, выходя из кустов, куда шарахнулся, и приближаясь к машине. – Покуситься на калеку! Как вы могли?

– Не болтайте глупости, никакой вы не калека. Вы заслужили внушение за свое недопустимое поведение. Учтите, вы никого не сумели обмануть: ясно, что вас не устроило общество Мэвис Уорренби. Согласна, с ней скучно. Не пойму, почему хорошие люди так часто бывают занудами? Что вам мешало заранее сделать вид, будто вам нужно побыстрее домой, и просто уйти?

– Это выглядело бы как пренебрежение остальным обществом.

– Все лучше, чем выдумка насчет бумажек, не нужных никому, включая Бернарда, – ядовито возразила миссис Эйнстейбл.

– Ошибаетесь. Позвольте, я передам с вами доказательство своей искренности. – Гэвин вытянул из внутреннего кармана длинный пухлый конверт и подал ей, улыбаясь. – Сквайр все еще сражается в теннис?

– Да. Я не стала ждать его. Он будет возвращаться другой дорогой, чтобы по пути осмотреть новые посадки. Это так глупо! Только устанет. Невыносимая жара!

– Разве? Не заметил. Вы хорошо себя чувствуете, миссис Эйнстейбл? Может, вам не следует ехать одной?

– Благодарю вас, все хорошо. Или это намек, что неплохо было бы вас подвезти?

– Нет, мне было бы страшновато.

– Опять эти ваши глупости! – усмехнулась она и резко включила передачу.

Гэвин проводил взглядом машину, вылетевшую из ворот, и вернулся к компании.

После завершения очередной партии Делия Линдейл, игравшая в ней, простилась с хозяйкой дома. Розу-Викторию пора было укладывать спать, и миссис Хасуэлл не стала ее задерживать. Муж помахал ей рукой с соседнего корта, и она заторопилась по тропинке домой.

– Мне тоже пора, – сказала Абби.

– Я вас отвезу, – предложил Чарлз.

– Не нужно, я могу и пешком.

– Можете, более того, у вас это прекрасно выйдет. Но лучше не надо.

Она рассмеялась:

– Вот болван! Нет, правда, зачем заводить машину ради такой короткой поездки?

– Этого у меня и в мыслях не было. Я делаю это для мистера Драйбека.

– Очень любезно с вашей стороны, мой милый мальчик! – оживился Драйбек. – Не стану отвергать столь великодушное предложение. Последняя партия была самой удачной!

– Раз вы взялись подбросить домой Абби и мистера Драйбека, то захватите и майора, – заявила миссис Хасуэлл. – Не возражаете, если мы дождемся конца второй игры? Мэвис, я попрошу вас и миссис Клиберн помочь мне с призами для матча по висту. Они должны быть готовы к понедельнику, а мы пока не решили, сколько на них израсходовать. Это не займет много времени. Как я вижу, теннис закончился! Кто выиграл? Силы были как будто равны?

– Было хорошо, но монотонно, – произнес сквайр, вытирая лицо и шею. – Нам с Мидж-холмом удалось победить, но мы буквально вырвали победу. Я уже не так молод, как прежде. Вы вернулись, Пленмеллер? Я думал, вы ушли.

– Откуда такие мысли, сэр? Я принес письма, залежавшиеся у меня на столе. Мне нет прощения: я не усмотрел в них интереса.

Сквайр уставился на него из-под мохнатых бровей и с кряхтением сказал:

– Бегать ради них не следовало бы, однако я вам признателен. Где они?

– Я отдал конверт миссис Эйнстейбл.

– Обидно. Линдейл мог бы забрать их домой и изучить. Если нам по пути, я поеду с вами, Линдейл.

– Не получится, сэр. Мы пришли пешком. Я уйду по тропинке.

– Ладно, я тоже. Хочу взглянуть на новые посадки. Мои земли простираются до тропинки позади этой усадьбы.

– Никто не уходит, сначала напитки! – напомнила гостеприимная миссис Хасуэлл.

– С меня довольно, благодарю, – отозвался Драйбек. – Не хочу торопить водителя, просто обещал экономке не задерживаться. В субботу вечером она ходит в Беллингэме в кино, поэтому я завел правило ужинать рано, чтобы отпустить ее.

– Мне тоже пора пошевелиться, – проговорил майор, посмотрев на часы.

– Не надо мне было возвращаться, – вздохнул Гэвин, поставив пустой стакан. – Сдается мне, я непопулярен. Теперь понятно, что я должен был преподнести эти бумаги сквайру, преклонив колено, вместо того чтобы сунуть их его жене. Во всем виновато мое ущербное воспитание!

– Если хотите, я и вас подвезу, только придется потесниться. Ничего, я разберусь, – сказал Чарлз, не обращая внимания на его болтовню.

– Нет, побреду домой в одиночестве, жалкий и никому не нужный. Прощайте, миссис Хасуэлл, я так вам благодарен! Я получил огромное удовольствие.

Он дошел с остальными до машины и проводил ее взглядом.

– Куда это годится? Может, его тоже надо было захватить? – спросила Абби, сидевшая в спортивном автомобиле рядом с Чарлзом. – Ему не больно идти?

– Какое там! – отмахнулся Чарлз. – Гэвин способен преодолеть так не одну милю. Вот игра – не для него.

– Наверное, тяжело переживает свой дефект?

– Ну, не знаю... Он всегда был таким. По-моему, пользуется этим. Например, моя мать жалеет его и думает, что ему положено снисхождение. Отсюда и грубость Гэвина.

– На мой взгляд, уйти и бросить Мэвис – это перебор, – заметила Абби.

– Типичный Пленмеллер! Игра на публику. Уолтер Пленмеллер тоже был ужасным типом, хотя там сыграло роль ранение на войне. Скажите, сэр, – обратился Чарлз к Драйбеку, – все Пленмеллеры были такими несносными, как Уолтер и Гэвин?

– Я не был знаком со всеми, – ответил Драйбек. – Все-таки их семейство живет в нашем графстве уже целых пять столетий!

– Наверное, в этом все дело, – усмехнулся Чарлз. – Упадок рода!

– Смерть Уолтера Пленмеллера – такая трагедия! – воскликнул майор. – Самое сильное потрясение в моей жизни. Гэвин мне не нравится, но я жалел его. Ясно, бедняга Уолтер был не в своем уме, но Гэвину от этого не легче.

– Он, кажется, покончил с собой? – спросила Абби. – Тетя Мириам не склонна об этом распространяться. Что на самом деле произошло?

– Уолтер отравился газом. Оставил Гэвину письмо, в котором, в сущности, утверждал, что тот его до этого довел, – ответил скороговоркой Чарлз, сворачивая на Хай-стрит. – Это, конечно, чушь: он страдал невыносимыми мигренями, в конце концов они его сгубили.

– Высадите меня на перекрестке, Чарлз, – попросил майор, хлопая водителя по плечу.

– Уверены, сэр? – уточнил тот, притормаживая.

– Да. Спасибо, что подвезли! – Машина остановилась. – До свидания, мисс Дирхэм. Надеюсь, мы еще успеем сыграть до вашего отъезда. До свидания, Драйбек. Пока, Чарлз!

Майор двинулся в направлении «Ультима Фула», но свернул, не доходя, на Триндейл-роуд. Через несколько сот ярдов Чарлз опять затормозил, чтобы высадить Драйбека, после чего покатил к Фокс-лейн.

– Заходите, что-нибудь выпьем, – предложила Абби. – Тетя Мириам обрадуется. Сама она никогда ничего не пьет, но убеждена, что я не живу без джина, и всегда им запасается, когда я ее навещаю. До чего она милая! Большинство тетюшек категорически против коктейлей, они только твердят: «С тебя, конечно, достаточно?» От нее такого не услышишь. Она так усердно подливает, что ее саму можно принять за пьянчугу.

– Уговорили, – кивнул Чарлз, выпрямляясь и захлопывая дверцу. – Зачем, думаете, я вас повез?

– Я решила не спрашивать.

– Я бы все равно не сознался. Я уже много лет безответно влюблен в вашу тетку Мириам. К тому же она и моя тетушка.

– А вот и нет!

– Спросите ее саму. Она приглядела меня еще ребенком. – Чарлз открыл калитку и шагнул в маленький аккуратный садик. К нему радостно бросился толстый черный лабрадор, и он стал с удовольствием гладить пса. – Видите? Даже Рекс знает, что я здесь желанный гость, а ведь он – существо невеликого ума. Уйди, старый дурень, ты перегородил мне путь!

– Дело в том, что пес особо не разбирается, – с чувством возразила Абби. – Рад любому бродяге.

Она подняла голову, чтобы проверить, как Чарлз отнесся к ее дерзости. Он смотрел на нее с улыбкой – и, кажется, не только...

– Неужели?

– Рекс очень дружелюбный, – пролепетала она, чувствуя, что краснеет. – Вот и тетя Мириам, машет рукой нам из окна. Идемте!

Чарлз пошел следом за ней в коттедж.

Мисс Паттердейл, пребывавшая в счастливом неведении о том, в какой неудачный момент напомнила о себе, поприветствовала их кивком.

– Хорошо провела время? – обратилась она к Абби.

– Замечательно!

– Что еще ей говорить? – усмехнулся Чарлз. – Она ведь была в гостях у меня.

– Вряд ли это помешало бы ей сказать правду. Джину? – предложила мисс Паттердейл, подтверждая характеристику, данную ей племянницей. – Смешаешь сам: я купила все, что принято подмешивать в джин. Надеюсь, меня не обманули.

Чарлз оглядел ряд бутылок на кухонном столе.

– Тут есть все на любой вкус. Вы молодец, тетя Мириам. Будем пробовать!

– Что это? – удивилась Абби, принимая из его рук стакан и опасливо снимая пробу.

– Открытие века! И стаканчик более-менее чистого оранжада для тети Мириам. – Чарлз сунул мисс Паттердейл стакан и кое-как разместился рядом с ней на тесном диванчике.

– Ты ничего в него не подмешал? – спросила с подозрением мисс Паттердейл.

– Разумеется, нет! За кого вы меня принимаете?

Мисс Паттердейл окинула его суровым, но любящим взглядом.

– Ты был одним из самых отчаянных сорванцов, каких я только встречала.

– Это было до того, как я попал под ваше влияние. Вы – лучшая тетушка на свете!

– Ладно тебе! Кто был у вас в гостях? Кроме Тэddieаса Драйбека и майора?

– Все-все, кроме вас и Нашей Флоры. Это был успех светского сезона! Майор сообщил, что Наша Флора вот-вот оценится. Шучу! Хотя она так похожа на Ультиму, что я бы не удивился.

– Уллапула, – подсказала мисс Паттердейл. – Я встретила Флору на выгоне, она все мне рассказала.

– Уллапула! – почтительно повторил Чарлз. – Первый раз слышу, но уже одобряю.

– Все равно Ультима Аплифт лучше, – возразила Абби. – Мое любимое имя!

– Даже лучше Умбреллы? – недоверчиво спросил Чарлз, после чего развернулась дискуссия о сравнительных достоинствах абсурдных кличек, которыми награждала своих пекинесов миссис Миджхолм.

Мисс Паттердейл, приняв участие в споре, заявила в своей язвительной манере:

– Вы оба ошибаетесь. Ультима Урф обскакала все клички.

– Ультима что?

– Урф, самая мелкая в помете. Она околела.

– Не понимаю!

– Так называют чахлое потомство, – объяснила мисс Паттердейл. – Клички как клички, вот только, крича на всю улицу: «Урф! Урф! Урф!», чувствуешь себя глупо. Мне, по крайней мере, было бы стыдно. Но у меня нет права насмехаться над Флорой, более нелепые клички для коз, чем Розалинда и Селия, еще надо поискать. Не иначе, у меня случилось помутнение рассудка. Сегодня Селия отвязалась и заблудилась. Я пошла ее искать и встретила Флору. Она гоняла по выгону своих собачек.

– Уллапула уже оценилась? – поинтересовалась Абби. – Вот бы полюбоваться ее щенятами!

– Придется подождать недели две-три. Флора считает, что роды начнутся не раньше завтрашнего дня. Но на приеме ее не было не из-за собак, просто она не хочет встречаться с мистером Уорренби. У них произошла страшная ссора. Он пинком согнал Улисса со своей цветочной клумбы!

– Вот животное! – ахнула Абби.

– Я тоже против, – поддакнул Чарлз. – Надо нанести ей визит соболезнования. Я симпатизирую Улиссу, достойный песик. Еще «Особого Коктейля Хасуэлла», Абби?

Она с готовностью подставила стакан.

– Благодарю. Уорренби тоже не пришел, – сообщила Абби тетке. – Заработался! То-то Мэвис повторяла про бедного дядюшку, самостоятельно наливающего себе чай!

– Ничего, ему полезно! – усмехнулась мисс Паттердейл. – Если у Мэвис есть хоть чуть-чуть здравомыслия... Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь, что от людей, жертвующих собой, в мире одно зло.

Чарлз поперхнулся своим «Особым Коктейлем». Абби, глядя на тетку со смесью возмущения и обожания, заметила:

– Кто бы говорил!

– Хочешь сказать, что я тоже жертвую собой? Вот уж нет!

– Тетя Мириам! Вы всю жизнь трудитесь ради бедных и немощных, только и думаете, что о благотворительности...

– Это не самопожертвование. Просто я – дочь приходского священника и приобрела эту привычку с детства. Кстати, мне нравится. Когда я говорю о стремящихся к самопожертвованию, то имею в виду таких, как Мэвис, превращающих себя в половую тряпку, отказывающихся от всего, что им мило, ради прихотей отпетых эгоистов вроде Сэмпсона Уорренби. Они мнят это добродетелью, но какая же это добродетель? Взять Сэмпсона Уорренби. Если бы ему не позволялось тиранить Мэвис, то он вел бы себя гораздо приличнее и вызывал бы больше симпатии.

– Не исключено, – пожал плечами Чарлз. – Хотя лично мне он еще неприятнее, когда старается произвести хорошее впечатление, чем когда воображает себя небожителем. Послушали бы вы рассказы моего отца о его проделках на городском совете! Уорренби прямая дорога в кукловоды, поскольку он обожает дергать за веревочки и заставлять всех плясать под свою дудку. Удивительное самомнение!

– И жажда власти, – добавила Абби. – Полагаю, мой милый старикашка проявит интерес к столь незаурядному персонажу.

– Наверное, я старомодна, – промолвила мисс Паттердейл, – но вряд ли тебе следует звать Джеффри Силлофа «милым старикашкой», что бы под этим ни подразумевалось.

– Что поделать, если он действительно сущий ангел? Прямо как вы! Подразумевается неземное добродушие и вообще все самое похвальное!

– Не имела чести быть представленной мистеру Силлофу, но про себя знаю все. Ничего неземного! А вот в отсутствии сходства с козой я не так уверена... – добавила мисс Паттердейл. – Не с Селией, с Розалиндой.

Этот самокритичный автопортрет встретил такую бурную реакцию, что мисс Паттердейл, сохраняя обычную резкость, не могла не зардеться от удовольствия. Когда молодые поклонники убедили ее (как надеялись они сами), что между ней и существом, называть которое домашней любимицей было бы непростительным прегрешением, нет ни малейшего сходства, пришло время выпить еще, поэтому Чарлз встал и занялся приготовлением напитков. Но взять у него полный стакан Абби помешал скрип калитки. Оглянувшись, она увидела через открытую оконную створку Мэвис Уорренби, спешившую, спотыкаясь, по дорожке. Она задыхалась, прижимала руку к груди, весь ее вид свидетельствовал о крайней степени волнения.

– Господи, это Мэвис! – воскликнула Абби. – Что-то случилось!

Дверь в Фокс-коттедж была гостеприимно распахнута, но мисс Уорренби даже при крайней надобности не могла себе позволить ворваться в чужой дом без приглашения. Раздался неуверенный стук и слезливый голос:

– Мисс Паттердейл! О, мисс Паттердейл!

Чарлз, стоявший у кухонного стола с бутылкой джина в руке, вопросительно покосился на хозяйку дома, после чего поставил бутылку и вышел навстречу гостье.

– Привет! Что стряслось?

Мэвис, в измождении привалившаяся к дверному косяку, сбивчиво забормотала:

– Я не... Я не знаю, что делать! Мисс Паттердейл... Я не знаю, как быть!

– Да в чем дело-то? – прикрикнула на нее мисс Паттердейл, тоже вышедшая в узкий коридорчик. – Входи! Боже всемогущий, ты больна, деточка?

– Нет-нет! Какой ужас! – выдавила Мэвис, стуча зубами.

– Держитесь! – Видя, что она готова сползти по стене, Чарлз обхватил ее за талию. – Что вас так напугало?

– Веди ее в гостиную! – распорядилась мисс Паттердейл. – Абби, принеси из моей аптечки нюхательную соль. А ты, Мэвис, садись и успокойся. Объясни, что случилось.

– Я всю дорогу бежала... – залепетала Мэвис. – Ничего, сейчас отдышусь... Я не знала, как поступить. Вот и примчалась к вам – только это и пришло мне в голову. Меня так затошнило! Ой, мисс Паттердейл, сейчас меня, кажется, вырвет!

– Ничего подобного, – возразила мисс Паттердейл. – Клади ее на диван, Чарлз! Спокойно, Мэвис, ничего не говори, сначала восстанови дыхание. Неудивительно, что тебе нехорошо, бежать в такую жару до самого Фокс-Хауса! Правильно, Мэвис, теперь добавь немного воды. Держи, деточка! Выпей это, и тебе полегчает.

Мисс Уорренби проглотила снадобье, содрогнулась и разревелась.

– Немедленно прекрати! – скомандовала мисс Паттердейл, распознав признаки истерики. – Нет! Пока ты всхлипываешь, как последняя дурочка, даже не пытайся объяснить что да как: все равно я ни слова не разберу. Приди в себя!

Это жесткое обращение подействовало. Мэвис взяла предложенный платок, вытерла лицо, еще повсхлипывала, пошмыгала носом и наконец обрела дар относительно членораздельной речи.

– Дядя, – выдавила она. – Я не знала, что делать. Чуть в обморок не упала от ужаса. Бежать к вам, мисс Паттердейл, – вот единственное, на что у меня хватило ума.

– Что случилось? – спросила мисс Паттердейл.

– Бедный дядя! Я знала, что нельзя оставлять его одного! Никогда себе этого не прощу!

– Послушайте! – вмешался Чарлз, уставший от восклицаний Мэвис, не прояснявших ситуацию. – Ответьте, что случилось с вашим дядей?

Мэвис уставилась на него расширенными глазами.

– Думаю... Думаю, он мертв! – выпалила она, вся дрожа.

– Мертв? У него удар, еще что-нибудь?

Мэвис опять расплакалась:

– Нет-нет! Гораздо, гораздо хуже. Его застрелили!

– Боже всемогущий! – тихо проговорил Чарлз.

– Слушай внимательно, девочка моя! – проговорила мисс Паттердейл. – Ты сказала, что думаешь, будто он мертв. Не помчалась же ты сюда, бросив несчастного одного и не убедившись, что ему уже ничем не помочь?

Мэвис закрыла лицо ладонями.

– Я знаю, что он умер. Я думала, он спит, а это на него совсем не похоже. Подхожу к нему и вижу...

– Что именно? Да соберись ты!

– Простите. Это стало для меня шоком. Вот здесь у него... – Мэвис дотронулась до своего левого виска. – Там зияла дыра! О, не спрашивайте! Я слышала, слышала... Но в тот момент не сообразила, что это. На подходе к дому услышала выстрел. Я подпрыгнула, до того близко хлопнуло, но решила, что кто-то отстреливает кроликов – что еще должно было прийти мне в голову? А потом вижу дядю в садовом кресле под дубом...

– Боже! – не выдержала Абби. – Кто это сделал? Ты кого-нибудь заметила?

Мэвис, вытирая слезы, покачала головой.

– В саду никто не прятался? Раз ты шла по дорожке, у него не было другого пути для бегства, верно?

Мэвис ошеломленно уставилась на нее:

– Не знаю. Я была так потрясена, что могла думать только об одном: бедный дядя мертв!

– Неужели ты никого не заметила? – не унималась Абби. – Это же произошло почти при тебе. Тот, кто это совершил, не мог убежать – во всяком случае, далеко.

– Наверное. Только я об этом не думала. Все мои мысли были о дяде.

– Ладно, ладно, – промолвил Чарлз. – Это естественно. Но что вы сделали потом, поняв, что он мертв?

Мэвис откинула со лба прядь волос.

– Даже не знаю... Несколько минут я провела в оцепенении. Мне казалось, что это просто невозможно! Ноги тряслись, я чуть не падала, голова кружилась. Я добралась до дома, и там меня все-таки стошнило...

– Я не об этом, – сказал Чарлз, сдерживая нетерпение. – Вы позвонили в полицию? Врачу?

Она заморгала.

– Ой, нет! Я знала, что вызывать врача бессмысленно. А про полицию не подумала. Разве это необходимо? Не будет ли только хуже? Дядя бы не одобрил: дознание, болтовню...

– О, боги! – воскликнула мисс Паттердейл. – Ты совсем безмозглая, Мэвис? Ты же отлично знаешь, что у меня нет телефона, однако бежишь сюда, даже не... Нет уж, хватит слез! Ты куда, Чарлз?

– В Фокс-Хаус, куда же еще? Позвоню оттуда в полицейский участок и дождусь их приезда.

– Самое правильное решение, – одобрила она. – Я с тобой.

– Лучше не надо, тетя Мириам!

– Вздор! Вдруг мы сможем что-то сделать для бедняги? Ты же не боишься, что я хлопнусь в обморок?

– Отпустите меня с Чарлзом, тетя Мириам! – взмолилась Абби. – Я изучала первую помощь, так что...

– И не подумаю! Ты останешься здесь, присмотришь за Мэвис.

– Я не смогу... У вас это получится гораздо лучше. Пожалуйста, отпустите меня с Чарлзом! – канючила Абби, следуя за ними через сад.

– Ни в коем случае! – крикнул Чарлз, отменяя все споры. – Садитесь, тетя Мириам!

Он захлопнул за ней дверцу машины, прыгнул за руль и завел мотор. Когда автомобиль рванулся вперед, Чарлз заметил:

– Эта плакса оставит позади всех безголовых мокрых куриц! Грудной младенец – и тот сообразил бы вызвать полицию! Редкостная глупость! Как по-вашему, тетя Мириам, что там произошло?

– Понятия не имею. Первая мысль – кто-то стрелял по кроликам. Я ничуть не удивлена. Всегда считала опасной эту забаву на общинной земле.

Расстояние между Фокс-коттеджем и Фокс-Хаусом было так мало, что они и глазом моргнуть не успели, как достигли цели. Дом стоял в глубине участка, отделенного от дорожки низкой живой изгородью. Вместо подъездной аллеи позади сада была сделана квадратная гравийная площадка, с нее Уорренби заезжал в новый гараж, пристроенный к дому. Чарлз затормозил у приступки в изгороди, от которой к двери дома вела тропинка, и заглушил мотор. Минута – и они с мисс Паттердейл, вбежав в сад, склонились над безжизненным телом Сэмпсона Уорренби, принявшего смерть в садовом кресле под дубом, стоявшим перпендикулярно к дорожке за изгородью.

На Уорренби, толстом коротышке, были мешковатые штаны, куртка из шерсти альпаки, шлепанцы из марокканской кожи. Голова упала на грудь, одна рука безжизненно свисала с подлокотника.

– Кто был его врачом? – отрывисто спросил Чарлз.

– Доктор Уоркоп. Но он здесь бессилен.

– Может, его все равно надо вызвать? Я толком не знаю, какова процедура в таких случаях, но уверен, что без медика не обходится. Не будем медлить. Где у него телефон?

– В кабинете, справа от входной двери.

Он быстро зашагал к дому. Это было обложенное декоративным кирпичом строение в форме буквы Е, главные комнаты выходили окнами на сад, на дорожку за живой изгородью и на общинный выгон. Окна до пола на первом этаже были открыты, и Чарлз, шагнув в одно из них, очутился в кабинете Сэмпсона Уорренби. Телефон стоял на двухтумбовом письменном столе, среди вороха бумаг. Чарлз поднял трубку и набрал номер доктора Уоркопа.

Через несколько минут, вернувшись к мисс Паттердейл, он застал неустрашимую леди за разглядыванием клумбы с львиным зевом.

– Дозвонился Уоркопу?

– Да. Сейчас у него время приема. Он скоро приедет. Полиция из Беллингэма – тоже.

Мисс Паттердейл откашлялась и сказала тоном, не допускающим возражений:

– Что ж, Чарлз, мы с тобой ничем не сможем помочь этому бедняге. Он мертв.

– Мертв-то он мертв, вот только напрасно вы воображаете, будто на этом можно поставить точку, тетя Мириам. Подумайте хорошенько!

Глава 4

Мисс Паттердейл уронила монокль, и он повис на тонком шнурке. Она принялась яростно полировать линзу.

– Ты не веришь в несчастный случай, Чарлз?

– Какой тут несчастный случай...

Она недоуменно огляделась.

– Сама я мало смыслю в баллистике. Зато мне известно, что люди палят из ружей по кроликам.

– Да, но они не охотятся на них в чужих садах. Что еще важнее, у кроликов нет привычки парить в воздухе!

Мисс Паттердейл бросила быстрый взгляд на неподвижную фигуру в кресле.

– Он сидел низко, – промолвила она, указывая на убитого.

– Давайте рассуждать здраво, тетя Мириам! Любому ослу ясно, что это убийство. Не обязательно обладать исключительным интеллектом, чтобы понять, что убийца стрелял стоя. – Он указал на выгон за дорожкой, густо желтевший утесником на клонящемся к западу солнце. – Держу пари, стрелок засел вон в тех кустах. Ему не повезло разве что в том, что на дорожке так некстати оказалась Мэвис, хотя это даже невезением не назовешь, потому что ей не хватило ума причинить ему вред, тем более помешать.

– Неудивительно, что девушка не стала его искать: слишком велико было потрясение, – заметила мисс Паттердейл. – Кто же такого ждет? Полагаю, теперь шарить в кустах бессмысленно?

Чарлз не удержался от смеха:

– Совершенно бессмысленно, лучшая из моих тетушек! Не знаю, сколько времени ушло у Мэвис на осознание того, что Уорренби мертв, почувствовать себя дурно и броситься к вам, однако убийце хватило этого времени, чтобы ударить.

Она продолжила полировку монокля, будто посвящая все внимание именно этому занятию. Вернув его на положенное место, уставилась на Чарлза и решительно заявила:

– Мне это не нравится. Не собираюсь говорить, кто это совершил, но не удивлюсь, если это повлечет много неприятностей.

– Как же я вас люблю, тетя Мириам! – воскликнул Чарлз, обнимая ее. – Вы та еще плутовка! Не волнуйтесь, мы с Абби – ваше алиби, а вы – наше.

– Не болтай ерунду! – одернула она Чарлза, сбрасывая его руку. – Ты знаешь, о чем я. – Взглянув еще раз на труп, мисс Паттердейл сурово добавила: – Буду рада, когда нас кто-нибудь сменит. Чем меньше мы будем суетиться, тем лучше. Остается просто сторожить мертвеца. Можешь смеяться, но мое воспитание не предполагало подобных обязанностей.

Тем не менее в ответ на предложение Чарлза отпустить ее домой мисс Паттердейл презрительно усмехнулась и возобновила внимательное изучение цветочных клумб. К их счастью, томительное ожидание не слишком затянулось: избавление приняло внушительное обличье констебля Хобкирка, полного мужчины средних лет, проживавшего на Хай-стрит и посвящавшего максимум времени, свободного от не слишком обременительной службы по охране порядка, выращиванию помидоров, кабачков и разнообразных цветов, с завидной регулярностью завоевывавших первые призы на местных выставках.

Он прикатил на велосипеде и явился на место преступления весь взмокший, поскольку крутил педали с невероятной для человека его габаритов резвостью, и сильно запыхавшийся. Грузно свалившись со своего двухколесного транспортного средства, констебель прислонил его к живой изгороди и, прежде чем войти в сад, снял фуражку и вытер большим носовым платком лицо и шею.

– Боже правый! – воскликнул Чарлз, мучимый угрызениями совести. – Я совсем забыл про Хобкирка! – Надо было звонить ему, а не в Беллингэм. Вам не кажется, что он немного раздражен? Приветствую вас, Хобкирк! Рад вас видеть. То есть... Неважная история!

– Добрый вечер, сэр, добрый вечер, мисс, – отчеканил Хобкирк официальным тоном. – Ну, как это произошло?

– Если бы я знал! – ответил Чарлз. – Мисс Паттердейл тоже не знает. Нас здесь не было. Тело нашла мисс Уорренби и, не трогая его, прибежала в Фокс-коттедж за помощью.

– Вот как? – Хобкирк достал из кармана тетрадку и огрызок карандаша. – Когда примерно это случилось?

Чарлз посмотрел на мисс Паттердейл:

– Может, вы знаете? Я – нет, хоть убейте!

– Неужели?

– Зачем это укоризненное «неужели»? Не сомневаюсь, что если бы мисс Уорренби бросилась с вестью об убийстве ее дяди к вам, а не к нам, то вы записали бы время, вы же полицейский. А я ничего и не записал.

– Ага! – произнес Хобкирк, довольный признанием своего превосходства. – Важное обстоятельство, не так ли? Время придется установить, ведь это очень важно.

– Надеюсь, это в наших силах, – промолвила мисс Паттердейл, доставая из-за корсажа старомодные золотые часы и глядя на циферблат. – Сейчас десять минут девятого, время точное – я только сегодня утром проверяла. Мы провели тут примерно полчаса.

– Самое большее – двадцать минут, – уточнил Чарлз.

– Я бы сказала, что дольше, но, может, ты и прав. Когда к нам прибежала Мэвис?

– Понятия не имею! – ответил Чарлз. – Неважный из меня свидетель. Куда это годится – не знать время совершения преступления!

– Я бы так не сказал, сэр, – заметил Хобкирк. – Вы нашли потерпевшего сидящим в той же позе, что сейчас?

– Он не сдвинулся ни на дюйм, – подтвердил Чарлз.

– Как тебе не стыдно! – одернула его мисс Паттердейл. – Нашел время паясничать!

– Извините, тетя Мириам. Из меня полезло самое дурное, что во мне есть.

– Затолкай его поглубже! Ни я, ни мистер Хасуэлл не прикасались к телу, Хобкирк. Полагаю, вас это интересует? Не знаю насчет мисс Уорренби, но сомневаюсь, чтобы она до него дотрагивалась.

– Излишне напоминать вам, мисс, что никто не должен прикасаться к чему бы то ни было на месте преступления. – Медленный взгляд констебля нащупал стопку листов с машинописным текстом, сколотых с одного угла, лежавшую на траве рядом с правой ногой трупа. – А бумаги? Они так и лежали здесь, на земле?

– Да! И знаете, что я думаю? – произнес Чарлз. – Потерпевший читал их – я хочу сказать, изучал – в момент, когда его застрелили.

– Вероятно, сэр, – с достоинством согласился Хобкирк. – Однако видимость часто бывает обманчивой.

– Верно. Как верно и то, что жизнь – не всегда пустые мечты. Расследование будете вести вы?

В свободное от службы время Хобкирк относился к молодому Хасуэллу скорее с симпатией, считая его видным молодым человеком с дружелюбными манерами, на чью подачу углового на состязаниях футболистов из соседних деревень чаще всего можно было положиться. Но сейчас он улавливал в его тоне нехватку уважительности и неуместное легкомыслие, поэтому его ответ был уничтожающе холоден:

– Я буду находиться здесь, сэр, пока меня не отзовут. А вам следовало сначала оповестить о происшествии меня, после чего я, во исполнение инструкции, доложил бы о нем начальству в Беллингэме.

– И мы оказались бы именно там, где находимся в данный момент. Все же позвольте мне пожалеть, что дальнейшее расследование будете вести не вы. Кстати, тетя Мириам, неужели уже девятый час? Я, пожалуй, пойду позвоню маме. Мы ужинаем в восемь, и в случае моего опоздания она всегда представляет меня на больничной койке, всего переломанного!

И Чарлз заспешил в дом. Хобкирк проводил его взглядом, в котором читалась неуверенность. За все долгие, но лишённые ярких событий годы службы ему еще не приходилось сталкиваться с убийством, так что он изрядно подзабыл, каких действий требовали в подобных случаях инструкции. У него возникло смутное ощущение, что молодого Хасуэлла нельзя отпускать к телефону потерпевшего. Правда, тот уже звонил с него в полицию, и теперь было затруднительно придумать причину, чтобы его остановить. В общем, констебль Хобкирк не сдвинулся с места и был втайне рад приехавшему в старой, зато надежной машине доктору Уоркопу.

Эдмонду Уоркопу, жившему в комфортабельном викторианском доме на окраине Беллингэма, унаследованном, как и врачебная практика, у давно почившего отца, было шестьдесят лет, однако убийство оказалось для него, как и для констебля, непривычным случаем. Его старомодные профессиональные методы привели бы в отчаяние молодых прогрессивных коллег, тем не менее он располагал обширной респектабельной практикой. Более простые пациенты по степени консерватизма были под стать ему самому и полагали, что не могут ни родиться, ни умереть без участия Уоркопа, а утонченные полагали безопасным доверять себя человеку, так ловко скакавшему следом за гончими и практиковавшему в округе столько, сколько они себя помнили. Уоркоп обладал высоким самомнением, редко с кем-либо советовался и не признавал своих ошибок. Наблюдая, как Уоркоп шествует через лужайку к дубу, никто не догадался бы, что он никогда не сталкивался с делами такого рода. Чужак вообще принял бы его за полицейского медика с богатым опытом. Он поприветствовал констебля кивком, а мисс Паттердейл облагодетельствовал учтивым «доброй вечер» и рукопожатием, поскольку она принадлежала к числу его пациентов.

– Жаль, что вы оказались связаны с этим, – сказал Уоркоп. – Шокирующая история! Я не поверил своим ушам, когда услышал о ней от молодого Хасуэлла. Все произошло чуть ли не на глазах у мисс Уорренби?

Он склонился над телом, мисс Паттердейл продолжила осмотр цветочных клумб, а констебль с почтением наблюдал за врачом. Тот после недолгого осмотра оглянулся и сказал:

– Мне здесь нечего делать. Мгновенная смерть. Бедняга!

– Да, сэр. Сколько он пролежал мертвым?

– Точно определить нельзя. Более четверти часа. Надо также учитывать, что все это время тело находилось на солнцепеке.

Те же соображения прозвучали через пять минут, когда машина полиции доставила к Фокс-Хаусу сержанта уголовного розыска Карсторна, констебля и двух сотрудников в штатском. Сержант спросил врача, что тот может рассказать об убийстве, добавив без задней мысли, что звонил доктору Ротерхоупу, главному конкуренту Уоркопа в Беллингэме и по совместительству полицейскому врачу, но тот не снял трубку.

Уоркопу было нечего сообщить сержанту сверх того, что пуля проникла в череп через височную кость и наверняка застряла в мозгу. Согласно наблюдению самого сержанта, выстрел произвели не в упор, поскольку на трупе отсутствовали пороховые ожоги.

К группе на лужайке присоединился Чарлз. Увидев сержанта, он воскликнул:

– Здравствуйте! Воровство в нашем офисе расследовал другой сотрудник. Куда он девался?

– Это был инспектор уголовного розыска Торптон, сэр. Он на больничном.
– Пусть поправляется! Тетя Мириам, мать велела мне забрать Мэвис к нам ночевать.
– Прежде чем мисс Уорренби уедет, мне нужно будет задать ей несколько вопросов, сэр.
– Она не здесь. Я оставила ее у себя дома, – объяснила мисс Паттердейл. – Мэвис прибежала ко мне за помощью, и я доверила ее попечению своей племянницы. Вы сможете спросить ее там?

– Разумеется, это меня вполне устраивает, – вежливо ответил сержант. – Юной леди лучше не возвращаться сюда, пока труп не отправят в морг. Я все отлично понимаю. «Скорая» уже выехала.

Он отвернулся и стал совещаться со своими подчиненными, один из которых готовился фотографировать тело. Вполголоса отдав приказания, Карсторн заявил, что намерен без промедления увидеться с мисс Уорренби.

– Как быть с домом? – спросила мисс Паттердейл. – Внутри никого. Вряд ли туда кто-нибудь полезет, однако опасно оставлять двери нараспашку. Но и запирать их мне не хотелось бы, потому что мисс Уорренби вряд ли захватила с собой сумочку, а значит, у нее нет ключа.

– Один из моих людей останется тут и за всем присмотрит, – пообещал сержант. – Все будет в сохранности.

– Тогда, если не возражаете, я поеду с вами. Ты едешь, Чарлз?

Тот кивнул и вывел ее на дорожку. Сержант подождал, пока он умело развернется на узком пятачке, после чего завел полицейский автомобиль. Таким образом, мисс Паттердейл смогла попасть в Фокс-коттедж раньше него и успеть подготовить Мэвис к предстоящему испытанию, что она язвительно охарактеризовала Чарлзу как чрезвычайное желательное обстоятельство.

Вернувшись в скромную гостиную, они убедились, что к мисс Уорренби уже вернулось самообладание. Она пила чай – бодрящий напиток, который предпочитала джину. Новость о предстоящем полицейском допросе Мэвис выслушала с болезненной улыбкой и сказала, что ждала этого и старательно собиралась с мыслями. Когда приехавший сержант принес ей официальное извинение за необходимость потревожить ее в позднее время, ответила, что все понимает и искренне хочет помочь. Поскольку она уже обсудила свою роль в этой истории с Абби, подробнейшим образом вспомнив каждое свое движение и все оттенки чувств, ее рассказ отличался беглостью и внятностью. Удалось даже установить приблизительное время убийства.

– Мы с миссис Клиберн оставались дольше остальных. Обсуждали призы для деревенского соревнования в вист. Я покинула «Кедры» в десять минут восьмого, потому что видела часы в гостиной. Сказала миссис Хасуэлл, что мне придется бежать, а то и лететь, иначе бедный дядя будет беспокоиться. Я миновала сад, выскочила на тропинку и по ней добежала до дома. Оттуда до нас пять минут ходу, так что я вернулась в четверть восьмого или, может, минут на пять позднее. Тогда все и произошло...

– Благодарю за внятный рассказ, мисс. После выстрела вы больше ничего не видели и не слышали?

– Нет, только нечто вроде хлопка, хотя в тот момент я бы это так не назвала... Это было сразу после выстрела и почти с ним слилось.

– Вы никого не видели? Например, на общинном выгоне?

– Нет, никого. Конечно, я специально не смотрела, но наверняка заметила бы, если бы там кто-то был.

– Специально не смотрели? Выстрелили близко от вас, разве вы не испугались, мисс?

– Сначала я ничего не поняла. У меня глупое отношение к оружию! Не выношу неожиданных громких звуков! Я решила, что это не так близко, как было на самом деле.

Сержант все записал в свою тетрадку, но комментировать не стал. Вскоре он спросил:

– Знаете вы кого-нибудь, мисс, кто испытывал к вашему дяде неприязнь?

– Никого!

– Может, он с кем-то ссорился? Враждовал?

– Нет, ни с кем!

От нее ничего больше нельзя было добиться. Задав еще несколько вопросов, сержант пообещал уведомить ее о дате дознания и уехал.

Перспектива дачи показаний на дознании удручила мисс Уорренби, кажется, так же сильно, как сама его причина, и ей потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Она твердила, что дядя был бы категорически против, и не успокоилась даже после заверений мисс Паттердейл, что ни вскрытие, ни дознание не помешают ей похоронить дядю со всеми надлежащими церемониями. Узнав от Чарлза о приглашении, переданном его матерью, Мэвис опять едва не разрыдалась, теперь от благодарности, и стала умолять передать миссис Хасуэлл слова безмерной признательности за ее доброту, и непременно подчеркнуть, что она глубоко тронута. Однако Мэвис твердо стояла на том, что дядя Сэмпсон предпочел бы, чтобы она осталась в Фокс-Хаусе.

Никто не мог понять, откуда у нее взялась эта убежденность. Несдержанная Абби спросила напрямик:

– Чего ради?

– Там издавна наш дом! – объяснила Мэвис, наделяя Фокс-Хаус наследственными качествами. – Знаю, ему бы очень не понравилось мое нежелание там оставаться. Сначала мне будет, конечно, ужасно больно, но придется потерпеть. Нельзя пасовать перед неприятностями.

Людам, слушавшим мисс Уорренби, как это часто бывало, когда она произносила банальности, стало за нее неудобно. Чарлз, выдержав паузу, сделал практический заход:

– У вас есть привычка жить в одиночестве? Дом, полагаю, перейдет вам, но сможете ли вы его содержать?

Вопрос ее шокировал, даже испугал.

– Я не думала о подобном! Мне было не до них. Прошу вас, не надо это обсуждать! Столь омерзительные мысли должны приходить в голову в самую последнюю очередь. Я просто чувствую, что мой долг – оставаться дома. И потом, мне нельзя забывать о бедняжке Глэдис. Она приедет последним автобусом, и мне страшно представить, что она найдет дом пустым и запертым.

– Ничего хуже правды все равно не может прийти ей в голову, – рассудила мисс Паттердейл. – Впрочем, ты права: не хватало в довершение всего лишиться хорошей служанки! Я думала, ты останешься в доме совсем одна, но забыла про Глэдис. Что ж, если предпочитаешь вернуться обратно, то лучше тебе побыть еще немного здесь, а потом я отведу тебя домой и дождусь вместе с тобой Глэдис. Который час? Наверняка все проголодались. Оставайся ужинать, Чарлз. Ужин будет холодным, кроме картофеля. Абби, пожалуйста, накрой на стол!

– Вряд ли я смогу что-нибудь съесть, – пробормотала Мэвис. – Лучше поднимусь наверх и прилягу, можно, мисс Паттердейл? В такие моменты хочется побыть одной.

К плохо скрываемому облегчению Чарлза и Абби, мисс Паттердейл не стала чинить ей препятствий: отвела бедняжку к себе в спальню, задернула там шторы, дала ей аспирин и посоветовала уснуть.

– Сил моих нет с этим ее жеманством! – воскликнула она, вернувшись. – Можно подумать, Сэмпсон Уорренби души в ней не чаял! Если он оставил ей денег – скорее всего, так и есть, потому что я не слышала, чтобы у него были родственники ближе, чем она, – то она должна быть ему благодарна, но не более. Не выношу лицемерия!

– По-моему, Мэвис не лицемерит, – возразила Абби, морща лоб. – Она паинька, думает, что по дяде полагается скорбеть, и действительно скорбит!

– Это еще хуже! Не забудь вилку и ложку для салата! – И мисс Паттердейл исчезла в кухне.

За ужином говорили, естественно, только об убийстве Сэмпсона Уорренби. Мисс Паттердейл, не пытаясь умерить воодушевление родной племянницы и приемного племянника, держалась собственного мнения, что ожидаются неприятные последствия. Чарлзу хватало ума признать, хотя бы частично, ее правоту. Абби заявила, что раньше не понимала, до чего это любопытно – оказаться замешанной в деле об убийстве. Мисс Паттердейл, снисходительно глядя на нее, высказала радость в связи с тем, что племянница оказалась в нужное время в нужном месте.

Тема еще не была исчерпана, когда троица, покончив с мытьем посуды, уселась в гостиной, чтобы выпить кофе. Мисс Паттердейл спустилась вниз, убедившись, что аспирин погрузил Мэвис в глубокий сон, как вдруг в дверь постучали. Это был Гэвин Пленмеллер, явившийся, как он сам признался без капли стыда, с целью поболтать об убийстве.

– Боже правый, слухи уже облетели деревню? – спросила мисс Паттердейл, приглашая его в гостиную.

– Кто бы сомневался! Не прошло и десяти минут после выезда Хобкирка на место преступления, а мы в «Красном льве» уже все знали. Спасибо миссис Хобкирк! Целый час потом новость обрастала подробностями, и мне никак не удавалось удрать домой, хотя меня ждала там утка с зеленым горошком. Что ж, пришлось довольствоваться тошнотворной едой в «Красном льве». Ума не приложу, почему наши заведения пользуются такой популярностью? Благодарю вас, кофе – то, что нужно! А где наша героиня?

– Спит наверху, – сообщила Абби. – Как вы узнали, что она здесь?

– Элементарно! – Гэвин бросил в кофе кусочек сахара. – Сам был таким, но, спасибо Уолтеру, смог вернуться в Торнден. Жизнь в Лондоне – смертельная скука! Новости узнаешь только по радио и из газет. Конечно, я знаю, что Мэвис Уорренби тут, как же иначе? Тем не менее я рад, что она спит наверху. Мы сможем обсудить все подробности.

– Что именно известно в деревне? – осведомился Чарлз.

– О, гораздо больше, чем просто правда! Потому я и пришел: хочется выяснить, что произошло на самом деле. Только не рассказывайте мне про несчастный случай! Это был первый просочившийся в «Красного льва» слух, но я не поверил. Конечно, Сэмпсона Уорренби убили! Он был буквально создан для того, чтобы пасть от рук преступника.

– Вы не перепутали его с каким-нибудь персонажем из ваших книг? – усмехнулась Абби.

– Он еще сумеет оказаться в их компании!

– Чарлз считает, что выстрелить могли из кустов напротив дома, с выгона, – сказала мисс Паттердейл.

Гэвин вопросительно посмотрел на Чарлза, побудив того коротко изложить причины для подобного умозаключения.

– Уорренби сидел боком к дорожке и, видимо, читал бумаги, которые принес в сад. Попасть в него было нетрудно.

– А где находилась Мэвис, пока стрелок целился? Прямо на месте преступления?

– Не совсем, хотя и недалеко. По ее словам, выстрел раздался в тот момент, когда она перешагивала через приступку в изгороди сада. Значит, убийце невероятно повезло: еще секунда-другая – и она оказалась бы под прицелом, а то и сама схлопотала бы пулю.

– Ничего подобного! – возразила Абби. – Он бы не выстрелил, если бы Мэвис загородила собой цель.

– Кто знает? – пробормотал Гэвин. – Схожу туда завтра утром и все сам исследую. Приступка видна с выгона? Похоже, что да.

– Мне тоже пришла эта мысль, – подхватил Чарлз. – Тут возможны разные объяснения. Например, убийца усердно целился и просто не заметил Мэвис. Или, предположим, он лежал так, что приступку загораживали кусты утесника...

– То и другое портит настроение. Ваш преступник – какой-то неряшливый раззява. Откажусь в это поверить.

– А разве они обычно не такие? – удивилась Абби. – Я про настоящих, а не про книжных убийц. Я читала, что они почти всегда выдают себя какой-нибудь отъявленной глупостью.

– Вот именно! – подхватил Чарлз. – Было бы, конечно, очень мило, если бы наш оказался настоящим профессионалом, но надежды мало.

– Не распыляйтесь, так и свихнуться недолго, – посоветовал Гэвин. – Лучше задумаемся над важным вопросом, не дающим нам покоя: кто это сделал?

– Вот и мне хочется понять кто, – произнесла Абби. – Но сколько ни думаю, ничего не приходит в голову. Тут ведь мало просто не любить человека, верно? Требуется серьезный мотив.

– Это притом что, если верить Мэвис, у ее дяди не было врагов, – саркастически добавил Чарлз.

– Она такое говорила? – ужаснулся Гэвин.

– Представьте, да, – подтвердила мисс Паттердейл. – Когда отвечала на вопросы детектива. По-моему, Мэвис перегнула палку. И вообще, это же глупо! Полиция обязательно узнает, что убитого никто на дух не переносил.

– Но все вы, разумеется, промолчали, не воспрепятствовав этому полету фантазии?

– Да, промолчали, – созналась Абби, – хотя детектив наверняка сам знает, что это беспардонная ложь. Когда Мэвис это говорила, он косился на Чарлза. Вы бы видели, как у него отвисла челюсть! Проблема в том, что нелегко вмешаться и опровергнуть слова племянницы о безгрешности убиенного дядюшки!

– Я еле сдержалась, – поведала мисс Паттердейл. – Нельзя говорить, что Мэвис считала его любимцем соседей. Она отлично знала, что это не так. Однако гнула свое, а заодно изображала, будто потрясена его гибелью. Я не утверждаю, что она лжет – сама никак не опомнюсь! – но жалеть о случившемся она не может. Надо отдать Мэвис должное: она всегда делала хорошую мину при плохой игре, скрывала, как дурно дядя обращается с ней. Но я знаю с ее собственных слов, что в последнее время он совсем распоясался. Как же ей от него доставалось!

Гэвин, внимательно выслушав ее, воскликнул:

– Хорошо, что к вам заглянул! Конечно, преступление совершила она! Это же очевидно! Абби невольно хихикнула.

– Глупости! – бросила мисс Паттердейл.

– Восхитительное предположение! – усмехнулся Чарлз.

– Здесь нечем восхищаться! Никто из вас не имеет права так шутить. Мэвис болтает чушь, потому что считает невозможным плохо отзываться о мертвом.

– Раз так, то в каких выражениях она отзывается об императоре Домициане или о покойном Адольфе Гитлере? – поинтересовался Гэвин.

– Это разные вещи! – отрезала мисс Паттердейл.

– Что ж... – Гэвин поставил на стол пустую чашку и с трудом поднялся с кресла. – Раз мне запрещено подозревать Мэвис, то остается вернуться к моему предположению.

– К какому же? – спросила Абби.

– Миссис Миджхолм, месть за кровь Улисса! Не буду отрицать, я предпочитаю в качестве подозреваемой ее, а не Мэвис, но всегда есть опасность, что у нее обнаружится твердое алиби. У Мэвис, как всем нам известно, алиби нет. Между прочим, это будет нашим следующим развлечением: у кого алиби есть, у кого нет. У вас троих оно вроде бы имеется, что, да будет мне позволено сказать, занудство и отсутствие изобретательности с вашей стороны!

– А как с алиби у вас самого? – улыбнулась Абби.

– Никакого! Вернее, я надеюсь, что не обзавелся алиби: если паршивец хозяин «Красного льва» скажет, что в ключевой момент я сидел в его гадюшнике, стану решительно это

отрицать. Полагаю, полиция не закроет глаза на мою претензию на место главного подозреваемого? Я пишу детективные романы, хромаю, довел сводного брата до самоубийства. Что еще надо полиции?

– Знаете, – промолвил Чарлз, – о чем я подумал? Учитывая время, когда это произошло, у многих не окажется алиби. Все возвращались домой после нашего приема: сквайр, Линдейл, майор, старикан Драйбек!

– Не забудьте про меня и про жену викария! – напомнил Гэвин. – Я бы не прочь вписать в список вас самого, а вот жене викария в нем делать нечего. Она совершенно ни при чем и только все запутала бы.

– Как насчет самого викария? – спросила Абби. – Где он находился?

– По его словам, отправился навещать страждущего. Но он все равно тоже вне игры.

– Вместе с майором и с Драйбеком, – подсказала Абби. – Мы их подвозили.

– А вот и нет! Я оставил майора на перекрестке в ответ на его просьбу, – произнес Чарлз. – Откуда я знаю, куда он девался, когда я поехал дальше? Старого Драйбека я высадил около его дома. Он помахал нам рукой, но мы не видели, как он входил в дом. А вдруг он туда не входил?

– Верно! – поддержала Абби, расширив глаза. – Это при том, что он вероятный кандидат. Ну и ну!

– Хватит! – прикрикнула на них мисс Паттердейл. – Подобные разговоры могут довести до беды.

– Ничего страшного, тетя Мириам, – сказал Чарлз. – Сдается мне, Драйбек не единственный, кто бы мог совершить преступление.

– Не увлекайся! Тебе легко перемывать косточки таким, как старый Тэддиас Драйбек, но ты бы сразу посерьезнел, если бы кто-нибудь бросил тень, например, на твоего отца.

Чарлз вытаращил глаза:

– Отец? Но его там вообще не было!

– Конечно, не было. Но как бы ты отнесся к нашим гаданиям о том, где он мог бы находиться? Так что не распускай язык.

Но все трое были глухи к ее призывам. Молодой Хасуэлл, с непочтительным воодушевлением отнесшийся к включению в список подозреваемых собственного родителя, громко захохотал.

– Отец?! Любопытно! Непременно потребую от него отчета!

Глава 5

В полдень начальник полиции графства вызвал для отчета сержанта уголовного розыска Карсторна, прошедшего утро в трудах, принесших мало результата. Через полчаса он высказал желание поразмыслить, а еще через десять минут пришел к ожидаемому, но не слишком приятному решению.

– Не скрою, Карсторн, – произнес он, дожидаясь соединения с неким лондонским номером, – что поступил бы так же, если бы инспектор Торптон не выбрал столь неудачный момент, чтобы слечь с краснухой.

– Конечно, сэр, – согласился сержант, разрываясь между естественным желанием повышения в звании в награду за блестящее раскрытие сложного дела и подозрением, что это дело оказалось бы ему не по зубам.

Он испытывал противоречивые чувства, когда в пятом часу был представлен веселому человеку с живыми глазами, вошедшему в комнату полицейского участка, где в тот момент восседал начальник полиции. Незнакомец был высок и суров.

– Старший инспектор Хемингуэй? – Полковник Скейлз поднялся из-за стола и протянул руку для пожатия. – Рад знакомству! Разумеется, я о вас слышал. Я предупредил начальство, что мне нужен не абы кто. Вижу, они поняли.

– Благодарю вас, сэр, – ответил старший инспектор, ничуть не покраснев от похвалы. Пожав полковнику руку, он указал на своего спутника: – Инспектор Харботтл, сэр.

– Добрый день, инспектор. Познакомьтесь, это детектив Карсторн, начавший расследование дела.

– Буду счастлив сотрудничеству, – кивнул старший инспектор, тряхнув сержанту руку. – О вас я пока знаю немного. Кстати сказать, на первый взгляд дело кажется мне симпатичным.

– Неужели? – удивился полковник, который, подобно мисс Паттердейл, боялся, что расследование принесет много неприятностей. – Вы сказали «симпатичным»?

– Да, сэр. Я имею в виду его необычность.

– Отчасти оно именно такое. Хотя вы, полагаю, согласитесь, что в самом убийстве необычного много.

– Выстрел на открытом месте? Никаких запертых комнат, таинственного оружия, прочих осложнений?

– Человека застрелили у него в саду, – произнес полковник. Ему показалось, что старший инспектор Хемингуэй относится к своей задаче с недопустимым легкомыслием. Он вспомнил предупреждение старого знакомого из Скотленд-Ярда об оригинальности старшего инспектора.

– Можно сказать, в широком поле! – обрадовался Хемингуэй.

– Нет, в саду.

– Это одно и то же, сэр.

– Я введу вас в курс событий. Предлагаю всем сесть. Я закурю трубку, вы тоже можете. Не трубку, так сигареты, вот коробка.

Он сел и стал набивать трубку табаком из старого резинового кисета. Старший инспектор потянулся за сигаретой, сержант Карсторн подал коробку его подчиненному, но тот ответил, что не курит. Израсходовав несколько спичек, полковник наконец закурил, после чего быстро ознакомил Хемингуэя с фактами по делу. На перечисление и описание людей, составлявших торнденское общество, ушло больше времени. Было видно, что теперь полковник тщательно подбирает слова. Инспектор Харботтл, надолго упершийся взглядом в противоположную стену и хранивший неподвижность, близкую к столбняку, внезапно мрачно уставился на рассказ-

чика. Его начальник сохранил на лице выражение не критичного, по-птичьи легкомысленного интереса.

– Сегодня утром доктор Ротерхоуп произвел вскрытие, – сообщил полковник. – Полагаю, вы ознакомитесь с его отчетом. В нем, конечно, нет ничего нового: причина смерти не вызывала сомнения.

Хемингуэй взял отчет и просмотрел его.

– Действительно, ничего, – кивнул он. – Единственное, чего мы раньше не знали, – что пуля, вероятно, выпущена из винтовки калибра 0,22 – подробность, без которой я обошелся бы. Хотя калибр мог бы угадать сам. Вряд ли в округе найдется более четырех-пяти десятков таких стволов. Моим сотрудникам придется наведаться ко всем их владельцам. Стреляная гильза не найдена?

– Найдена, сэр, – с гордостью заявил Карсторн. – Вот она. Долго пришлось искать! Валялась вот в этих кустах утесника, помеченных на карте.

– Молодцы! – похвалил Хемингуэй, вставляя в глазницу маленькую лупу и начав внимательно разглядывать гильзу. – Здесь есть отчетливые следы, лишний раз доказывающие, что ничего нельзя загадывать заранее. Я думал, что ничего не увижу: в девяти случаях из десяти винтовки калибра 0,22 настолько изношены, что ничем не могут нам помочь. А здесь, как я погляжу, мы сможем идентифицировать оружие, из которого застрелили этого человека. Что ж, предположим, мы его найдем – хотя смею утверждать, что этого не произойдет. Если бы я не знал, что чем проще кажется дело на первый взгляд, тем сложнее оно будет уже в середине расследования, то заключил бы, что решение будет найдено в два счета.

– Надеюсь, – веско произнес полковник.

– Да, сэр. Вот только за милую видню, что так не случится. Из ваших слов я понял, что у дела весьма изысканный антураж. Опыт подсказывает, что это все усложняет.

– Неужели? – удивился полковник.

– Сами посудите, сэр. – Хемингуэй перевернул страницу отчета судмедэксперта. – Перечисленные вами люди – сквайр, семейный поверенный, отставной майор – будут друг друга выгораживать. Я далек от того, чтобы их за это осуждать, – добавил он беспечно, не обращая внимания на то, что полковник начал понемногу свирепеть. – Зачем им любопытные полицейские, сующие нос в их проблемы? Им это непривычно, не то что обыкновенным преступникам. Они, конечно, благоразумнее традиционных представителей преступного класса. Можно только радоваться, что они нечасто встают на преступный путь. Как я погляжу, здесь нас не ждет дорожка, устланная розами, нет, сэр! – Он отложил отчет. – Ваш доктор Ротерторп немного слукавил со временем смерти, правда?

– К сожалению, Ротерторп увидел труп только через несколько часов. Хасуэлл-младший вызвал доктора Уоркопа, лечившего потерпевшего. Время определено не слишком точно, однако Уоркоп – опытный специалист, к тому же мы располагаем показаниями о времени мисс Уорренби.

– Как вы думаете, сэр, что, помимо профессиональной ревности, побудило доктора Ротерторпа не подтверждать это заключение?

Начальник полиции графства рассмеялся:

– Как вы наблюдательны! Только это, других причин нет. Доктор Уоркоп давно практикует в Беллингэме, и коллеги, наверное, считают, что он несколько... устарел. Однако ему не откажешь в здравомыслии!

– Да, сэр. Известно, кому может быть выгодна эта смерть?

– Его племяннице – главной наследнице. Мелких наследователей можно не считать. Завещание хранилось в сейфе у него в кабинете. Если пожелаете вникнуть в его дела, рекомендую обратиться к его главному клерку по фамилии Каупланд: достойнейший человек, проживший в Беллингэме почти всю жизнь.

– Они ладили, сэр?

– Вполне. Он прекрасно отзывается о погибшем. Ему тоже кое-что отписано – немного, порядка двухсот фунтов. Каупланд потрясен убийством, верно, сержант?

– Да, сэр. Мистер Каупланд – в высшей степени достойный человек, естественно, что он потрясен. Не говоря о том, что для него это серьезная встряска и в ином смысле. Позиции старшего клерка не растут на деревьях. Не знаю, где он найдет другое такое место. Во всяком случае, не в Беллингэме: хотя в «Трокингтон энд Флимби» требовался новый главный клерк, это не та работа, которая его привлекла бы, а главный клерк мистера Драйбека занимает свое место уже тридцать лет.

– Драйбек... – повторил Хемингуэй. – Тот, кого отвезли после тенниса домой? Где он живет?

Сержант ткнул пальцем в карту.

– Здесь, сэр, почти напротив начала Фокс-лейн. Насколько мы смогли установить, его высадили там в семь часов, ну, может, чуть позднее. В половине восьмого он сел ужинать. Это подтвердила его экономка. Чем Драйбек занимался перед этим, она не знает.

– А что говорит об этом он сам?

Сержант сверился со своими записями:

– Утверждает, что, войдя в дом, сразу поднялся наверх, где принял душ. Вероятно, так оно и было, у него старомодная ванна, на конце которой стоит душ. После этого он вышел в сад и полил цветы. Драйбек говорит, что за этим занятием услышал гонг: экономка звала его ужинать. Она показала, что ей пришлось дважды ударить в гонг, потому что первого удара хозяин не расслышал.

– Где находилась все это время экономка?

– Переходила из кухни в столовую и обратно: готовила ужин, накрывала на стол. Столовая расположена в передней части дома, кухня – за ней, в задней части. Между ними коридорчик с дверями. Она заявила, что всегда ходит из одного помещения в другое по нему, потому и не видела Драйбека. То есть за эти полчаса экономка ни разу не была в холле. Неудивительно, что она хозяйина не видела.

– Кухонные окна не выходят в сад?

– Нет, сэр. За окном кухни гравийный дворик, дальше лавровая изгородь, она загораживает сад.

– Удачная планировка, – похвалил Хемингуэй карту, пристально ее изучая. – Значит, с семи до семи тридцати Драйбек мог находиться где угодно. Если верить вашей карте, то от его дома до Фокс-Хауса менее полумили.

– Именно так, сэр. Но по пути туда ему пришлось бы пройти мимо коттеджа мисс Паттердейл.

– Почему бы ему не пройти через выгон?

– Можно и так.

– Из этого вовсе не следует, что он так и поступил. По-моему, Драйбек не пользуется популярностью как кандидат на главную роль в нашей занятой драме. В каких отношениях он был с Сэмпсоном Уорренби?

Прежде чем ответить, сержант вопросительно взглянул на полковника, но тот рассматривал свою трубку, которая погасла и требовала внимания. Немного запинаясь, сержант ответил:

– Я бы не назвал их отношения добрыми, сэр. Не хочется преувеличивать, но факт есть факт: Уорренби причинял Драйбеку много вреда в профессиональном смысле. Он был очень предприимчивым, а Драйбек работает по старинке. Уорренби был более успешен.

– Хорошо, – сказал Хемингуэй, которому Драйбек уже надоел. – Перейдем к остальным действующим лицам. Вашу мисс Паттердейл, молодого Хасуэлла и племянницу – забыл ее имя, но у нее алиби, как и у двух первых, – можете пропустить.

Полковник вскинул голову:

– У вас хорошая память, старший инспектор!

Инспектор Харботтл, бросив на своего начальника немного грустный, но полный гордости взгляд, не смог смолчать:

– Этого у него не отнять, сэр.

– Вас не спрашивают, Хорас! – произнес старший инспектор. – Начните с поляка, сержант. Если бы меня предупредили, что в деле замешан поляк, я бы сказался больным. У него какое-то необычное имя...

Сержант опять заглянул в записи.

– Замагориски, – прочитал он по слогам с виноватым видом. – Обычно его называют мистером Ладисласом.

– Тогда и мы станем так его называть, хотя я никогда не слыхивал такого христианского имени! – проговорил Хемингуэй. – Чем скорее мы от него избавимся, тем лучше. Было у меня дельце с участием грузина и еще два с поляками, так я чуть не стал от них нервнобольным! Значит, этого Ладисласа видели на Фокс-лейн на мотоцикле в половине шестого? Какое он имеет ко всему этому отношение?

– В деревне болтают, сэр, будто он ухаживает за мисс Уорренби, и ее дядя знать его не хотел. Он инженер, работает у Бебсайда. Снимает комнату у миссис Докри, это один из коттеджей за домом Драйбека. Вот тот, – уточнил сержант, показывая на план. – Приятный молодой человек, но уж больно вспыльчивый. По его словам – признаться, я слушал не очень внимательно, – до войны он был состоятельным человеком: земли и дома в Польше имел. Кое-кто из местных жителей привечает поляка, но большинство с ним не знают. С мисс Уорренби он познакомился в доме викария. Ей он как будто приглянулся. У нее доброе сердце! Она рассказала мне, что сначала жалела его, потом он ей понравился, завязалась дружба. Дядя действительно запретил ей встречаться с поляком, но она такой снобизм отмела. Похоже, они вместе прогуливались, пару раз, в отсутствие Уорренби, ходили в кино. Как я уже говорил, сэр, мисс Кингстон видела, как в половине шестого поляк повернул на своем мотоцикле на Фокс-лейн. У нее в деревне лавка сладостей, а в тот момент она, заперевав ее, направлялась на общинный выгон, подышать свежим воздухом. Мисс Кингстон уверена, что это был он. Его ни с кем не спутаешь: смуглый брюнет, красавчик, вылитый иностранец.

– Она не видела, как он снова выехал с Фокс-лейн?

– Нет, сэр. Она никак не могла увидеть его во второй раз, потому что возвращалась обратно в деревню.

– Что говорит он сам?

– Сначала клялся, что его и близко от Фокс-лейн не было, но я не поверил, поскольку к моменту разговора по деревне уже разнеслась весть об убийстве мистера Уорренби, и он, несомненно, тоже об этом слышал. Пока мы с этим разобрались, поляк разошелся и стал кричать, что все против него, потому что он иностранец, хотя сознался, что побывал рядом с Фокс-Хаус с целью увидеться с мисс Уорренби. Он не знал, что она ушла играть в теннис. Дело было в субботу, когда Уорренби полагалось находиться дома, поэтому поляк оставил мотоцикл недалеко от дома и вошел в калитку, ведущую в кухню, с намерением спросить служанку, нельзя ли ему сказать словечко мисс Уорренби. Вот только по субботам служанка работает полдня и к тому времени уже ушла. Поляк якобы постучался в кухонную дверь, никто не ответил, и он ушел восвояси. Утверждает, что вернулся в дом миссис Докри около шести часов и больше носа наружу не высовывал. Только вот беда, она ушла в местный кинотеатр, оставив ему холодный ужин, поэтому его слов подтвердить не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.